

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.В. Лобанова

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И КЛАССИФИКАЦИЯ**

Волгоград 2004

ББК 67.99(2Рос)811.18
Л68

Рецензенты:
д-р юрид. наук, проф. Н.Н. Вопленко;
канд. юрид. наук С.А. Гордейчик

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Лобанова Л.В.

Л68 Преступления против правосудия. Общая характеристика и классификация: Учебное пособие. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. — 62 с.
ISBN 5-85534-913-6

В учебном пособии дается подробная общая характеристика составов преступлений, объединенных в главе 31 УК РФ, производится классификация данных посягательств с учетом свойств их объектов и субъектов.

Рекомендуется для студентов юридических вузов и факультетов, а также работникам правоохранительных органов.

ISBN 5-5-85534-913-6

© Л.В. Лобанова, 2004
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 31 УК РФ	6
§1. Объективные признаки преступлений против правосудия	6
§2. Субъективные признаки преступлений против правосудия	19
ГЛАВА II КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ	24
§1. Субъект преступления как критерий классификации посягательств против правосудия	24
§2. Классификация преступлений против правосудия с учетом объекта посягательства и ее значение	27
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ	50
ПРИМЕЧАНИЯ	52
К главе I	52
К главе II	59

ВВЕДЕНИЕ

В государстве, на конституционном уровне провозгласившем себя правовым, правосудие приобретает особое значение, становится важнейшим гарантом прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Но выполняя столь существенную роль, само правосудие также нуждается в охране, в том числе и с помощью уголовно-правовых средств, ибо в сфере процессуальных отношений отнюдь не изжиты деяния, являющиеся труднопреодолимым препятствием в решении задач судопроизводства, значительно ущемляющие законные интересы участников процесса, затрудняющие осуществление ими функций, нарушающие принципиальные законоположения.

В структуре официально зарегистрированной преступности посягательства против правосудия занимают незначительное место. Их доля в общем количестве известных компетентным органам преступлений в среднем составляет не более одного процента ¹. Однако интерес к их изучению от этого не должен теряться.

Во-первых, весьма велика степень латентности преступлений против правосудия.

Во-вторых, чрезвычайно высока их общественная опасность.

По своим последствиям, как верно подметил А.М. Ларин, подобные деяния сравнимы с наиболее тяжкими преступлениями ².

Обращает на себя внимание и органичная связь таких посягательств с другими опасными формами поведения, с коррупцией. По данным Н.А. Егоровой, в 24,3 % случаев взяточничества дополнительным объектом последнего становились общественные отношения в области борьбы с преступлениями и другими правонарушениями ³.

В-третьих, анализ составов преступлений, предусмотренных в гл. 31 УК РФ, весьма важен для формирования профессионального правосознания юриста, особенно для повышения уровня юридической культуры сотрудников правоохранительных органов.

В-четвертых, не просты и вопросы квалификации рассматриваемых общественно опасных деяний.

Поиск ответов на многие из этих вопросов, думается, облегчает знание специфики посягательств против правосудия, присущих им черт, позволяющих выделить данные посягательства среди других преступлений, а также отграничить таковые от поведения непроступного характера.

Учитывая сказанное, автор настоящего учебного пособия стремится дать детальную характеристику общих признаков преступных деяний, модели которых объединены в упомянутой главе Уголовного кодекса.

В тех же целях полезно осуществление развернутой группировки преступлений против правосудия на основе различных классификационных критериев.

Автор надеется, что подготовленное учебное пособие поможет как студентам в освоении соответствующей темы дисциплины «Уголовное право. Часть Особенная», так и практическим работникам в правоприменительной деятельности.

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 31 УК РФ

§1. Объективные признаки преступлений против правосудия

Давно уже было отмечено ключевое значение объекта преступления для решения вопросов уголовного права. Ученые подчеркивали, что без определения такового нельзя познать сущность общественно опасного посягательства⁴, что преступные посягательства различаются между собою ценностью общественных отношений, нарушаемых ими⁵. Обращалось также внимание на зависимость между ошибками в установлении объекта преступления и неправильной квалификацией содеянного⁶. Обосновано также, что свойства объекта посягательства позволяют уяснить содержание и признаки других элементов состава преступления⁷. Многие из специалистов при этом в качестве базовой категории для выведения дефиниции понятия объекта преступления использовали категорию «общественные отношения»⁸. В последнее время все чаще в печати высказываются иные мнения. Активизируются концепции объекта — правового блага, объекта — интереса⁹. Предлагается, в частности, понимать под объектом преступления «охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо,

совершившее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен существенный вред»¹⁰. Мы же солидарны с теми, кто разделяет традиционную позицию¹¹. Так, Р.Р. Галиакбаров, оценивая иные суждения, обращает внимание на то, что «в конечном счете они не выходят за пределы устоявшихся в теории уголовного права решений проблемы объекта преступления»¹². Действительно, если мы говорим об объекте преступления как о социальном благе, то предполагается, что нечто должно быть признано таковым. А это вряд ли возможно вне рамок общественных отношений. Если мы рассуждаем об объекте преступления как о каком-либо интересе, то за последним явственно вырисовывается социальная связь, без которой данный интерес не может быть реализован.

С учетом всего сказанного можно предположить, что объединение законодательных конструкций преступлений против правосудия в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса диктовалось, главным образом, качественным своеобразием нарушаемых этими посягательствами общественных отношений.

Из наименования главы 31 УК РФ вытекает, что центральное место среди этих отношений принадлежит деятельности по отправлению правосудия. В юридической литературе верно подчеркивается, что «преступления против правосудия всегда связаны со спецификой деятельности органов правосудия, поэтому иные посягательства, нарушающие нормальную их работу, но не связанные со спецификой правосудия, представляют собой преступления против интересов государственной службы (злоупотребление должностным полномочием, взяточничество и т. п.) либо против порядка управления (например, подделка документов)»¹³.

Говоря об анализируемой нами группе преступлений, В.С. Власов справедливо замечает, что «органы, осуществляющие правосудие и способствующие ему, интересуют законодателя не как звено государственного аппарата и не как отрасль государственного управления, а как особый «механизм», выполняющий задачи исключительной важности»¹⁴.

Именно своими целями, своей направленностью на защиту интересов личности, общества и государства прежде всего специфично правосудие как вид юрисдикционной деятельности. Не случайно на конституционном уровне оно объявлено гарантом

прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Об охранительном характере деятельности по отправлению правосудия можно судить и на основе процессуального законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ «уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) защиту прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод».

Нельзя, конечно, упускать из вида, что «государственная защита прав и свобод имеет и другие, внесудебные, формы реализации. Однако в отличие от остальных органов государственной власти, в том числе и правоохранительных, только суд имеет охрану прав и свобод человека своей главной задачей».¹⁵ Кроме того, судебная защита имеет ряд неоспоримых преимуществ перед иными механизмами охраны. Эти преимущества заключаются в следующем.

Во-первых, судебная защита распространяется на неограниченный круг лиц.

Во-вторых, она касается всех без исключения прав и свобод, принадлежащих индивиду, в том числе не нашедших прямого нормативного закрепления, но не противоречащих закону.

В-третьих, судебной защитой охвачены права и свободы, нарушенные или ограниченные любым органом государственной власти, местного самоуправления, общественного объединения, должностным лицом любого уровня.

В-четвертых, сама судебная защита относится к числу прав, которые не подлежат ограничению ни при каких условиях (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ)¹⁶.

Но правосудие своеобразно не только свойственным ему правоохранительным характером, но и методами функционирования, ибо «оно может осуществляться только конкретными способами, а не произвольно по усмотрению каких-то должностных лиц или органов»¹⁷. В Конституции Российской Федерации в качестве методов функционирования правосудия¹⁸ названы конституционное¹⁹, гражданское²⁰, административное и уголовное судопроизводство (ч. 2 ст. 118). При обращении к любому из этих методов суды стремятся к разрешению конфликтов в правовой сфере жизни общества.

В этом ракурсе правосудие следует рассматривать как деятельность познавательную и правоприменительную. И.Я. Фойницкий подчеркивал: «Как уголовное, так и гражданское производство стремится к достижению правильного решения дела, сообразно с истиной, причем в основание кладутся общие логические приемы раскрытия истины. Решить судебное дело — значит дать ответ на два вопроса: произошло ли искомое и какая правовая норма должна быть применена к происшедшему? Второй вопрос решается на основании юридических учений о применении законов путем толкования и аналогии. Что же касается первого, то он есть лишь повторение общего вопроса об отыскании истины, и для судебного ответа на него необходимы те общие приемы, которые с этой целью применимы в области науки; подобно последней судебное производство слагается из исследования (следствие, розыск) и оценки (решение, приговор); анализ и синтез составляют и для него могучие устои»²¹.

Ученый в то же время обращал внимание на глубокое различие между областями теоретической и процессуальной. «Первая, — по его выражению, — покоится на свободе научного изыскания»²². А для второй «право становится не только целью, но и средством»²³. Иными словами, специфичной чертой правосудия служит его достаточно жесткая регламентация процессуальным законом²⁴.

Деятельность суда, таким образом, является охранительной по своей направленности, познавательной и правоприменительной (познавательно-правоприменительной) — по методу осуществления, а также протекающей в особой процессуальной форме.

Думается, что именно наличие у правосудия трех вышеуказанных нами специфических свойств и предопределяет необходимость выделения его в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Такое выделение предполагает создание комплекса норм, которые основным назначением имели бы защиту правосудия как охранительной и познавательно-правоприменительной деятельности, а также процессуальной формы последней, и консолидации соответствующих предписаний и запретов в рамках одного структурного элемента Уголовного кодекса. Подобную роль, главным образом, и призвана выполнить глава 31 УК. Вместе с тем следует подчеркнуть, что деятельностью по

отправлению правосудия объект посягательств, предусмотренных в названной главе, не исчерпывается.

С помощью мер уголовной репрессии законодатель стремится не только организовать защиту данного вида деятельности, но и создать благоприятные условия для таковой, а прежде всего придать определенную направленность связанной с правосудием деятельности правоохранительных органов, должностных лиц и субъектов процесса. Можно в этом смысле согласиться с Н.А. Носковой, которая в своей работе отмечает: «Посягательство на интересы правосудия есть посягательство на нормальную деятельность суда, прокурора, органов дознания и предварительного следствия по осуществлению задач правосудия»²⁵. Таким образом, в объект уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ включаются, наряду с общественными отношениями, возникающими в ходе осуществления правосудия, такие общественные отношения, которые возникают и реализуются в ходе деятельности других органов и лиц, направленной на решение задач, стоящих перед судебной властью. Заметим далее, что гл. 31 УК РФ рассчитана не только на защиту процессуальных отношений. С такой позицией законодателя соглашаются не все ученые.

Некоторые авторы подчеркивают, что в главе о преступлениях против правосудия логичнее было бы сосредоточить, исходя из родового объекта, только нормы, охраняющие деятельность по отправлению правосудия²⁶. Следуя логике подобных высказываний, необходимо было бы признать лишними в главе 31 УК значительное число составов преступлений. Например, побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК), уклонение от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК) не посягают на деятельность по отправлению правосудия, и надо полагать, при вышеназванном подходе были бы исключены из главы о преступлениях против правосудия и помещены в соседнюю главу «Преступления против порядка управления». И все же место составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 313 и 314 УК, на наш взгляд, определено законодателем верно. Помещение этих составов в главу о преступлениях против правосудия означает, что законодатель направленность соответствующих норм видит не в защите порядка управления, а в обеспечении стоящих перед правосудием задач посредством гарантирования обязательности судебных и иных процессуальных актов. Последнюю не

случайно подчас относят к неотъемлемым свойствам правосудия. «Судебные решения, — пишут, например, К.Ф. Гуценко и М.А. Ковалев, — принимаемые в процессе или по итогам отправления правосудия... в соответствии с законодательством наделяются особыми свойствами. Одно из них — обязательность»²⁷. Можно, следовательно, заключить, что в объект уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ включены общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов.

Учет природы преступлений, предусмотренных ст. ст. 312—315 УК РФ позволяет правильно подойти к оценке ряда фактических ситуаций, в частности, исключить квалификацию по указанным статьям действий лиц, находящихся в местах лишения свободы или под стражей без законных на то оснований²⁸. В этом плане излишне категоричным выглядит определение судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу С. от 25 декабря 1946 г., в котором отмечается, что «побег из места заключения является уголовно-наказуемым и в том случае, если впоследствии после совершенного побега прекращено дело, по которому обвиняемый был заключен под стражу»²⁹. Данный тезис неверен, например, для случаев, когда принудительные меры применялись в ходе расследования не в процессуальных целях, а вопреки им.

При подобных обстоятельствах уклонение от осуществления этих мер не следует расценивать как преступное деяние.

И сама деятельность по отправлению правосудия, и связанная с нею процессуальная деятельность других органов и лиц, и деятельность, посредством которой обеспечивается обязательность процессуальных актов, требуют для своего надлежащего осуществления особых условий. Это главным образом объясняется тем, что все эти виды деятельности протекают в той сфере жизни общества, которая характеризуется повышенным уровнем конфликтности интересов. В наибольшей мере это, конечно, относится к уголовному судопроизводству. Отсюда — потребность в усиленной уголовно-правовой охране жизни, здоровья и личной безопасности всех участвующих в этой деятельности лиц. Этим же обуславливается появление норм, непосредственно направленных на защиту таких ценностей, как авторитет судебной власти, честь и достоинство лиц, призванных содействовать суду, независимость судебной власти, процессуальная самостоятель-

ность органов, осуществляющих предварительное расследование, тайна предварительного расследования.

Таким образом, к объекту уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ нужно относить также общественные отношения, обеспечивающие предпосылки для надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия, а также деятельности органов и лиц, призванных содействовать суду в осуществлении стоящих перед ним задач и деятельности по реализации результатов правосудия.

Встречаются в юридической литературе и предложения по изменению наименования главы 31 УК, которая «рассчитана на охрану более широкой сферы общественных отношений — не только правосудия, но и деятельности, осуществляемой в ходе предварительного расследования»³⁰. Думается, что к какому-либо уточнению прибегать нецелесообразно. Во-первых, вряд ли можно подобрать столь же лаконичное название. Во-вторых, следует помнить, что ни производство предварительного расследования, ни исполнение процессуальных решений не происходит во имя самих себя. Подобная деятельность есть обеспечение правосудия. Интересам последнего поэтому и причиняется вред (создается угроза причинения вреда) посягательствами, совершаемыми в рассматриваемой сфере.

Сказанное, на наш взгляд, позволяет предположить, что законодатель, обособив в главе 31 УК ряд преступлений и дав им название «Преступления против правосудия», сосредоточил здесь конструкции преступных деяний, сущностью которых является посягательство на общественные отношения, призванные обеспечить предпосылки, осуществление в рамках закона, а также реализацию результатов охранительной, познавательной-правовоприменительной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц.

Названным отношениям способны причинить вред не только рассматриваемые нами преступления. Им угрожают и деяния, ответственность за которые предусмотрена статьями, содержащимися в других разделах (главах) Уголовного кодекса, так как они (деяния) либо совершаются после вынесения соответствующего судебного акта и заключаются в невыполнении возложенных на лицо этим актом обязанностей (ст. 157, ч. 2 ст. 169, ст. 177), либо осуществляются с целью воспрепятствовать решению

задач или выполнению функций правосудия (п. «к» ч. 2 ст. 105), либо, наконец, хотя подобной цели и не преследуют, но существенно затрудняют или могут затруднить возникновение, развитие процессуальной деятельности (ст. 174, 174№ 175, 265), либо деятельности по обеспечению исполнения уголовного наказания (ст. 321).

Но эти преступные посягательства, в отличие от преступлений, которым посвящена глава 31 УК, имеют в качестве основного объекта иное социальное благо³¹.

Заметим, однако, что, придавая правосудию значение основного или дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, законодатель, на наш взгляд, не сумел избежать ряда ошибок.

Одна из таких ошибок заключается в определении законодателем сущности состава легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем.

Включение ст. 174 в УК непосредственно связано с присоединением России к принятой государствами-членами Совета Европы 8 ноября 1990 года конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности»³². «Такого рода нормы, — пишет А.Э. Жалинский, — появившиеся в ряде стран, по замыслу законодателя направлены против лиц, которые получают деньги у преступников из первых рук, зная об их происхождении или имея обязанность знать, и нарушают установленные правила идентификации этих денег и сообщения о них»³³.

Действительно, описанные в анализируемой статье УК деяния способны значительно затруднить процесс обнаружения и раскрытия преступных посягательств, в результате которых незаконно получено имущество.

Думается, именно в этом заключается общественная опасность подобных деяний, а вовсе не в том, что «отмывание» такого имущества делает экономику криминальной, нарушает принципы осуществления экономической деятельности, как пытаются представить некоторые авторы³⁴. Не соглашаясь с последними, Н.А. Егорова верно, по нашему мнению, замечает, что «вредность легализации преступных доходов для экономической деятельности как таковой не всегда очевидна»³⁵. В самом деле, в криминальную экономику превращает вовсе не легализация. Скорее, наоборот, последняя способствует перемещению денежных

средств из «теневого» бизнеса в законный³⁶. Но подобная деятельность, несмотря на то, что в ряде случаев она может служить социально-полезным целям, скажем, финансированию убыточных отраслей или предприятий, не одобряется, а напротив, в уголовном порядке преследуется государством потому, что мешает борьбе с преступными формами нелегальной экономики.

По указанным соображениям легализацию («отмывание») денежных средств или имущества, полученных незаконным путем, целесообразно было бы отнести к посягательствам против правосудия и рассматривать в качестве одного из проявлений прикосновенности к преступлениям. Так поступил, например, немецкий законодатель, поместив соответствующий параграф (§ 261) в раздел УК, посвященный различным формам укрывательства (*Begünstigung und Hehlerei*)³⁷. Сходным образом решен вопрос о месте аналогичного состава преступления в УК Швейцарии. Статья 305 bis, именуемая «отмывание денег», помещена рядом со статьей, устанавливающей ответственность за укрывательство (ст. 305), и располагается в разделе XVII Кодекса «Преступления и проступки против правосудия»³⁸.

Свою позицию российский законодатель подтвердил, сконструировав состав легализации доходов, полученных незаконным путем, совершаемым виновным в основном преступлении (ст. 174¹ УК РФ). Если бы законодатель исходил из того, что «отмывание» преступных денег есть разновидность укрывательства, подобное решение вряд ли было бы им принято.

Сомнения, на наш взгляд, возможны и относительно правильности выбора законодателем места расположения ст. 295 УК «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование». Помещение последней в главу о преступлениях против правосудия должно означать, что основной непосредственный объект посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, лежит в плоскости общественных отношений, обеспечивающих предпосылки для выполнения процессуальных функций, а также гарантирующих обязательность судебных актов³⁹. Но тогда становится непонятным, почему в указанной статье предусматривается ответственность и за посягательство на жизнь определенных лиц, совершенное из мести за деятельность по осуществлению правосудия или предварительного расследования. Причем

никакой оговорки относительно того, что речь идет о деятельности, имеющей место в настоящем, в законе нет. Следовательно, в ст. 295 УК имеется в виду и деятельность, которая уже осуществлена, и которой никакого ущерба не причинено⁴⁰. В этой связи подчеркнем, что высказанное В.Н.Кудрявцевым мнение относительно цели преступившего запрет, содержащийся в данной норме, нуждается в уточнении. Автор пишет, будто таковая достигается физическим устранением указанных в статье лиц и «(одновременно) психологическим воздействием (запугиванием других участников процесса)»⁴¹. Но подобное суждение может быть признано верным лишь при условии, если иметь в виду не конкретный процесс, а процесс в абстрактном смысле. Думается, что не утратила своей актуальности высказанная в начале века рекомендация следующего содержания: «Если уголовное правонарушение содержит в себе несколько посягательств на несколько благ различного разряда, пользующихся уголовно-правовой охраной, но одно из этих благ страдает при всех преступлениях или проступках этой категории, а другие блага страдают не при всех, а только при некоторых из этих преступных деяний; в таком случае это уголовное правонарушение классифицируется по постоянно страдающему благу»⁴².

Представляется, что признаки, дифференцирующие ответственность за квалифицированное убийство и посягательство, предусмотренное ст. 295, находятся не в области объекта преступления, а в области мотивации последнего. Жизнь судьи и других лиц, которых, говоря словами Г.В.Ф. Гегеля, можно отнести к «всеобщему сословию»⁴³, должна защищаться особым образом не только потому, что она является непосредственным условием осуществления определенного рода деятельности, но и потому, что итог последней способен вызвать недовольство отдельных людей, чьи интересы противоречат интересам правосудия. Поэтому логичнее было бы помещение анализируемого состава преступления в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья»⁴⁴. Именно таким образом решен вопрос о месте нормы, предусматривающей ответственность за умышленное убийство магистрата, судьи, адвоката, какого-либо должностного лица системы правосудия и т. п., в УК Франции. Французский законодатель поместил данную норму (п. 4 ст. 221—4) в главу I «О посягательствах на жизнь человека», хотя в Уголовном кодексе

данного государства имеется отдельная глава (гл. 4) «О посягательствах на деятельность суда»⁴⁵.

Подобный подход представляется верным и в свете ценностной иерархии объектов уголовно-правовой охраны⁴⁶, «вершину которой должна составлять жизнь человека как наиболее ценное социальное и личное благо, ради обеспечения которого, в конечном счете, и функционируют все социальные институты»⁴⁷.

При конструировании составов преступлений, которыми умышленно причиняется вред этой высшей ценности, именно последней необходимо придавать значение основного защищаемого общественного отношения. Все же иные социальные блага могут занимать по отношению к ней лишь место дополнительного объекта уголовно-правовой охраны.

Небезупречными выглядят и конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ. Согласно этой статье привлечение к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей возможно лишь при условии, если виновный был обязан к уплате решением суда. Таким образом, охрана основного объекта, в качестве которого применительно к данной статье выступают общественные отношения, обеспечивающие интересы семьи, ставится в зависимость от необходимости обеспечения обязательности судебного акта, выступающей в качестве дополнительного объекта. Не разделяя мнения Ю.Е. Пудовочкина, полагающего, что в этом случае интересы правосудия превращаются в основной объект преступления⁴⁸, мы в то же время согласны с его предложением о необходимости реконструирования упомянутой статьи. Право несовершеннолетних или нетрудоспособных детей получать от родителей средства на содержание, а равно право нетрудоспособных родителей на материальную поддержку от детей относятся к числу жизненно важных. Оно возникает и реализуется в рамках семейно-правовых отношений. Злостное уклонение от выполнения корреспондирующей этому праву обязанности, думается, должно регламентироваться в качестве преступного посягательства независимо от того, состоялось ли судебное решение, обязывающее лицо уплачивать алименты, либо об уплате таковых заключено нотариально удостоверенное соглашение между сторонами. Именно так подошел к вопросу о регламентации ответственности за нарушение обязанности по ма-

териальному содержанию законодатель Испании. В ч.1 ст. 228 УК данного государства говорится: «Тот, кто перестал в течение шести месячных заработных плат регулярно или три месяца подряд выплачивать материальную помощь в пользу своего супруга или своих детей, которая была установлена договором или судебным решением при разводе, объявлении брака недействительным, в процессе установления родства или алиментов на детей, рожденных вне брака, наказывается арестом от восьми до двадцати выходных дней»⁴⁹.

Еще более кардинально поступил законодатель Швейцарии. В соответствии со ст. 217 УК данного государства тюремным заключением (по жалобе) наказывается тот, кто не выполняет свою семейно-правовую обязанность по содержанию или по материальной поддержке, хотя он располагает средствами для этого или может располагать⁵⁰.

Специфика объекта рассматриваемых посягательств определяет и особенности их объективной стороны. Дело, конечно, не только и не столько в том, что многие преступления против правосудия смоделированы законодателем как составы активных действий⁵¹. Возможно, это-то как раз следует считать упущением российского правотворца. Недостатком целого ряда статей, включенных в гл. 31 УК РФ, является то, что они не охватывают собой невыполнение ответственными лицами возложенных на них процессуальным законом или иными нормативными актами обязанностей. Такой упрек можно сделать в адрес ст. 294, 300, 302, 303 УК РФ. Важно же, думается, обратить внимание на другую особенность. Нарушение соответствующего объекта уголовно-правовой охраны проявляется во вне в одной из следующих форм:

- существенного отклонения субъекта от своих процессуальных функций или невыполнения обязанностей, связанных с реализацией процессуальных актов;

- воспрепятствования осуществлению подобных функций и обязанностей, в том числе в виде понуждения (принуждения) носителей таковых к поведению, мешающему решению задач правосудия.

Подавляющее большинство некавалифицированных составов преступлений, включенных в главу 31 УК, по своей законодательной конструкции являются формальными. Даже приводит-

мые в качестве примеров материальных составов нормативные модели незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312)⁵², весьма специфичны, на наш взгляд, в этом отношении. Диспозиция соответствующей статьи содержит указание отнюдь не на основные последствия преступного посягательства, а лишь на дополнительные, от которых защищается дополнительный объект⁵³. Что же касается основных последствий, характеризующих вред, причиняемый основному объекту уголовно-правовой охраны, то они оказываются за рамками и данных составов преступлений.

Выбор законодателем именно такой конструкции при описании посягательств против правосудия, думается, не случаен. Он обуславливается не только неопределенностью нематериального вреда, преимущественно являющегося следствием подобных общественно опасных деяний, но и способностью последних, как правило, причинять значительный урон важным социальным отношениям, что порождает естественное стремление обезопасить данные отношения от названных посягательств⁵⁴.

Урон этот выражается в том, что либо цели правосудия вообще оказываются недостижимыми, либо создаются неблагоприятные условия для их достижения.

Можно предположить следующее. Если в описании, например, составов злоупотребления или превышения должностными полномочиями законодатель включает указание на существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то он тем самым предвидит типичность случаев, когда злоупотребление или превышение не обладает соответствующей вредоносностью. Отсутствие же среди конструктивных признаков некоторых составов преступлений против правосудия, сходных с посягательствами, предусмотренными ст. 285—286 УК (ст. ст. 299—303, 305 УК), такого рода последствий должно означать, напротив, признание нестандартности подобной ситуации. Соответственно, нетипичный случай следует рассматривать с позиции ч. 2 ст. 14 УК.

Сказанное относится и ко многим другим составам преступлений против правосудия.

Логично, однако, и иное предположение. Если в судебной практике законодательная презумпция вредоносности тех или иных посягательств, предусмотренных в главе 31 УК, опровергается слишком часто, то не может не возникнуть сомнения либо в правильности выбора конструкции состава преступления, либо даже в обоснованности криминализации такого рода деяний.

Нельзя не обратить внимания на особенности изложения нормативного материала при описании составов преступлений против правосудия. Во-первых, в главе 31 УК законодатель иногда прибегает к бланкетной форме конструирования диспозиции статьи уголовного закона (ст. ст. 300, 301, 305 УК). Во-вторых, подавляющее большинство запретов и предписаний, содержащихся в данной главе, сформулированы с использованием бланкетных признаков⁵⁵. И тот, и другой вариант предопределяют необходимость внимательного ознакомления правоприменителя с ГПК (АПК), УПК или УИК, другими нормативными актами аналогичного характера для уяснения содержания соответствующих уголовно-правовых положений. В то же время несовершенство и пробелы процессуального либо уголовно-исполнительного законодательства в ряде случаев могут затруднить уяснение смысла и применение уголовного закона, негативно повлиять на эффективность последних.

§2. Субъективные признаки преступлений против правосудия

Специфика объекта преступлений против правосудия нашла отражение и в определении законодателем свойств их субъектов. Поскольку оказать негативное влияние на развитие процессуальных и связанных с ними отношений в целом ряде ситуаций способно далеко не любое лицо, постольку для многих субъектов составов посягательств, включенных в главу 31 УК, характерны специальные признаки (ст. ст. 299—303, 305—308, 310, 311, 313, 314 и отчасти ст. ст. 312 и 315 УК).

В юридической литературе отмечается, что преступления против правосудия характеризуются только умышленной формой вины, причем, как правило, умысел может быть лишь прямым⁵⁶.

Действительно, содержание употребляемых в главе 31 УК терминов («воспрепятствование», «угроза», «оскорбление», «уколнение» и т. д.), а равно указание законодателя в ряде статей на признак заведомости поведения виновного убеждает в справедливости такого вывода по отношению к большинству рассматриваемых посягательств. Этого, однако, нельзя сказать о составе разглашения данных предварительного расследования, а также о разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участника уголовного процесса.

В связи с изменением редакции ч. 2 ст. 24 УК не представляется возможным однозначно ответить на вопрос о форме вины в данных преступлениях. Формулировка ст.ст. 310, 311 Кодекса такова, что допускает не только умысел в преступном распространении соответствующих сведений.

Не позволял такой категоричный вывод сделать и УК РСФСР 1960 г. Поэтому встречались утверждения, что разглашение данных предварительного расследования может быть совершено и по неосторожности⁵⁷. Критикуя подобную позицию, ученые каких-либо весомых аргументов против нее чаще всего не приводили⁵⁸.

Но оправданно ли установление ответственности за совершение по неосторожности разглашения данных предварительного расследования в то время, как посягательства, наносящие более серьезный вред правосудию, наказуемы лишь при умысле виновного? Вряд ли. Сказанным, на наш взгляд, может быть обоснована необходимость уточнения формы вины в составе преступления, предусмотренном ст. 310 УК РФ. То же можно сказать о преступлении, регламентированном в ч. 1 ст. 311 Уголовного кодекса.

Следует в то же время заметить, что единообразие в определении формы вины применительно к составам преступлений против правосудия не вполне оправданно.

Еще в 1884 г. присяжный поверенный А.Э. Бардзкий пытался обосновать необходимость привлечения к уголовной ответственности должностных лиц судебного ведомства за принятие ошибочных решений. «Самые обширные полномочия, — писал он, — даны суду — власть его самая широкая; судьба человека, его жизнь, имущество, честь и свобода — все это в руках судьи, как шашки, которые он передвигает, хотя и согласно закону, но закону, толкуемому по его усмотрению. Раз судья взялся за эту

игру, так отвечай же за всякий неосмотрительный ход, за всякое незаконное усмотрение»⁵⁹.

Важность осуществляемой вершителями правосудия функции, необходимость особой тщательности исполнения ими принятых на себя обязанностей порождают, на наш взгляд, обоснованные сомнения в правильности нормативного определения формы вины в составе преступления, предусмотренного ст. 305 УК.

Указание законодателя на заведомость неправосудности судебного акта исключает вывод о возможности совершения данного преступления по неосторожности. Последнее может быть осуществлено лишь с прямым умыслом. Субъект не только осознает, что принимает участие в вынесении неправосудного (несоответствующего закону ли необоснованного) судебного акта, но и желает его постановления. Свое желание субъект выражает в том случае, когда судебный акт выносится коллегиально, путем соответствующего голосования. Отсюда следует сделать вывод о том, что судья, оставшийся при голосовании в меньшинстве, но вынужденный в силу указания закона подписать вынесенный путем голосования судебный акт, не должен нести ответственность по ст. 305 УК⁶⁰.

В период действия ст. 177 УК РСФСР 1960 г., послужившей прообразом названной статьи действующего Уголовного кодекса, в юридической литературе подчеркивалось, что соответствующая норма почти не применяется, поскольку при вынесении неправосудных приговоров судьи обычно утверждают, что действовали неумышленно, доверились следователю и прокурору, допустили невнимательность, и что опровергнуть такие утверждения практически невозможно. Предлагалось также «изменить закон, предусмотрев уголовную ответственность судей не только за умысел, но и за грубую небрежность, повлекшую осуждение невиновных»⁶¹.

Проблема предупреждения уголовно-правовыми средствами принятия вершителями правосудия ошибочных решений, явившихся причиной наступления тяжких последствий, не снята, как представляется, до сих пор. Более того, можно предположить, что она еще более обострилась в связи с изменением состава халатности. Статья 293 УК РФ в ее новой редакции имеет ограниченную сферу применения. Оценка ошибочного судебного решения в качестве халатности возможна лишь при

наступлении определенного вида последствий, а именно крупного ущерба (ч. 1), причинения тяжкого вреда здоровью или смерти (ч. 2), причинения смерти двум или более лицам (ч. 3). При этом понятие крупного ущерба законодатель связывает исключительно с материальным вредом. Согласно Примечанию к упомянутой статье таковым «признается ущерб, сумма которого превышает сто тысяч рублей»⁶². К подобным видам вреда все тяжкие последствия недобросовестного отношения судей к своим обязанностям сведены быть не могут. Достаточно, например, указать на такие специфические последствия от деяний, совершаемых в данной сфере, как осуждение невиновных к лишению свободы, уход от уголовного наказания лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и т. п. В целях повышения внимательности и предусмотрительности судей при вынесении судебных актов — выполнении действия, требующего высокой гражданской и профессиональной ответственности, было бы целесообразно учесть опыт тех государств, уголовные кодексы которых предусматривают ответственность за неизвинительные судебные ошибки. Так, согласно ст. 447 Уголовного кодекса Испании, судья или магистрат, который по грубой неосторожности или непростительному незнанию вынесет явно незаконный приговор или решение, наказывается лишением права занимать соответствующие должности или государственный пост на срок от двух до шести лет⁶³. Уголовная ответственность за ошибочные судебные решения предусматривалась и дореволюционным российским законодательством (ст. 398 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных)⁶⁴.

Если уж законодатель, признавая исключительную важность правовой охраны правосудия, пошел по пути создания специальных составов для умышленных преступлений против интересов службы в государственных органах, он, по нашему мнению, тем более должен был сделать это по отношению к неосторожным деяниям.

Для большинства составов преступлений против правосудия цель и мотив не являются обязательными признаками. Но если уж законодатель придает такое значение факультативным признакам субъективной стороны, то наполняет их особым содержанием. Специфика последнего заключается в следующем. Во-первых, ответственность ни за одно из преступлений, предусмотренных в главе

31 УК, не ставится в зависимость от наличия корыстной или иной личной заинтересованности, в отличие, например, от некоторых конструкций посягательств против интересов службы в государственных органах или порядка управления (ст. ст. 285, 292, ч. 1 ст. 325 УК). Во-вторых, определяемый в законе идеальный результат соответствующих преступлений против правосудия всегда противоположен задачам последнего (ст. ст. 294, 295, 304, 309 УК). Что же касается указанных в статьях анализируемой главы Кодекса мотивов преступных деяний, то их особенности заключаются в механизме формирования, а именно в возникновении стремления совершить преступление под влиянием процессуальной деятельности или деятельности, значимой для исполнения процессуальных решений (ст. ст. 295, 296, 298 УК).

ГЛАВА II

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

§1. Субъект преступления как критерий классификации посягательств против правосудия

В главе 31 УК РФ содержатся 23 статьи. Регламентируемые последними преступные посягательства имеют не только общие черты, но, естественно, и различия. В то же время есть признаки, которые одним составам преступления присущи, а в других они отсутствуют. Это, видимо, и служит основой для классификации преступлений, ответственность за которые предусмотрена в рассматриваемой главе Уголовного кодекса.

Долгое время в юридической литературе в качестве основания построения группировки преступлений против правосудия избиралась общность признаков субъекта посягательства.

Безусловно, что классификация по данному признаку имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Она, во-первых, помогает сориентироваться, от кого именно защищено правосудие посредством уголовно-правовых ограничений, и, соответственно, правильно определить лицо, подлежащее уголовной ответственности за конкретное посягательство.

Во-вторых, она позволяет увидеть и некоторые недостатки уголовного закона. Так, не всегда оправдано произведенное законодателем объединение в одной части статьи Особенной части

УК нескольких составов преступлений. Речь идет о тех случаях, когда один из ассоциированных составов включает в себя качества специального субъекта, а другой — нет. Подобное объединение нежелательно, ибо при толковании уголовно-правовой нормы правоприменитель может ошибочно предположить наличие в той или иной законодательной конструкции признаков, которыми она [конструкция] не обладает. Это, собственно говоря, уже происходит в теории при характеристике составов преступлений, описанных в ч. 2 ст. 312, ст. 315 УК.

Кроме того при конструировании санкций за посягательства на один и тот же объект не учтено должным образом, в какой мере это посягательство связано со злоупотреблением специальными полномочиями или игнорированием должностных обязанностей. А.А. Нечепуренко правильно, на наш взгляд, в качестве одного из правил построения санкций за преступления против правосудия называет следующее. «В тех случаях, — отмечает он, — когда субъектом преступления является работник правоохранительных органов, в санкциях должно указываться как дополнительное наказание лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹.

В свете сказанного невозможно, думается, привести веские аргументы для оправдания того, что в санкциях действующего УК обязательное лишение права лиц, совершивших преступление против правосудия с использованием служебного положения, выглядит скорее как исключение, чем правило. Таким исключением служат ч.ч. 2 и 3 ст. 303 и ст. 315 УК РФ. Еще в двух санкциях (ч. 3 ст. 294, ст. 304 УК РФ) это дополнительное наказание названо в качестве факультативной меры. Совсем не объяснимым выглядит отсутствие указания на лишение права в ст.ст. 299—302, ст. 305 УК РФ.

Разумеется, группируя преступления против правосудия с учетом общности признаков субъекта преступления, необходимо стремиться выдержать единство основания классификации. Как представляется, достигнуто это не было.

Анализ различных позиций, касающихся классификации преступлений против правосудия, привел нас к выводу, что такие группировки произведены на основе не одного, а нескольких критериев, характеризующих разнопорядковые качества субъекта: 1) наличие специальных признаков; 2) отнесение к

должностным лицам правоохранительных органов; 3) наличие обязанности содействовать правосудию; 4) возложение обязанности подвергнуться мерам принуждения или исполнить их².

Требование же единства критерия при построении классификации предполагало, на наш взгляд, осуществление не простой, а сложной группировки. Давно ведь уже было сказано П.П. Пусторослевым: «Где много глубоких различий между классификационными явлениями, там необходимо должна быть и многоступенчатая классификация»³.

В практическом отношении первоначально важно отделить преступления против правосудия, совершаемые специальным субъектом, от тех посягательств, которые могут быть осуществлены лицами, обладающими лишь общими признаками. Последняя группа при этом оказывается не слишком многочисленной. Сюда относятся преступления, предусмотренные в ч.ч. 1 и 2 ст. 294, ст.ст. 295—298, 304, 309 УК РФ, а равно ст. 315 в части воспрепятствования исполнению судебного акта.

В свою очередь преступления, совершаемые в сфере правосудия специальными субъектами, могут подвергаться дальнейшей классификации с учетом тех особых качеств, которыми наделены их исполнители.

Можно увидеть, что большую часть этих качеств характеризует наличие у лица дополнительных обязанностей или полномочий. Лишь для субъекта укрывательства необходимо отсутствие признаков близкого родства или супружеских отношений, о чем свидетельствует примечание к ст. 316 УК РФ. Думается, что укрывательство поэтому может быть обособлено от других посягательств против правосудия, совершаемых специальными субъектами. Оставшиеся же такие преступления представляется целесообразным разбить на две группы:

1) совершаемые лицами, использующими свои служебные полномочия (ч. 3 ст. 294, ст.ст. 299—302, ч.ч. 2 и 3 ст. 303, ст.ст. 305, 311, ч. 1 ст. 312 (в части осуществления банковских операций с денежными средствами, на которые наложен арест), ст. 315 (в части злостного неисполнения судебного акта);

2) совершаемые иными лицами (иные преступления со специальным субъектом за исключением укрывательства).

В дальнейшем последние могут быть также подразделены на две подгруппы:

1) совершаемые лицами, призванными содействовать органам правосудия (ст.ст. 307, 308);

2) совершаемые лицами, в отношении которых применена мера наказания, мера процессуального принуждения или возложена дополнительная обязанность на основании процессуального закона, не связанная с содействием правосудию (ст.ст. 310, 312—314).

Дальнейшей классификации могут быть подвергнуты и преступления, совершаемые лицами, использующими свои служебные полномочия. Ведь особую опасность представляют случаи, когда преступные посягательства против правосудия совершают работники органов, призванных решать стоящие перед правосудием задачи, а также лица, осуществляющие правозащитную функцию. Эти преступления следует обособить от преступных посягательств против правосудия, совершаемых лицами, использующими иные служебные полномочия. Именно о первой подгруппе преступлений в юридической литературе принято говорить как о преступлениях, «совершаемых изнутри».

§2. Классификация преступлений против правосудия с учетом объекта посягательства и ее значение

Классификация преступлений против правосудия, производимая на основании признаков субъекта при всей ее важности не должна освобождать ученых от группировки данных посягательств по традиционному, зарекомендовавшему себя критерию — с учетом признаков основного непосредственного объекта преступления. Без такой группировки, думается, невозможно наглядно представить себе, что именно в правосудии подлежит особой опеке со стороны уголовного закона, а следовательно, нельзя показать наиболее значимые свойства соответствующих уголовно-наказуемых деяний. Ведь классификация есть «способ обнаружения существенных качеств подразделений системы, от которых зависят другие, производные от них признаки каждого из элементов подразделения»⁴.

Специфика субъектов преступлений, как уже говорилось, не первична, а во многом предопределена своеобразием нарушаемых социальных отношений, поэтому именно группировка об-

щественно опасных посягательств по объекту, судя по большинству глав Уголовного кодекса, лежит в основе построения системы Особенной части.

Следует согласиться с утверждением Ю.И. Ляпунова и П.Я. Мшвениерадзе, что «понятие систематизации норм права охватывает не только объединение в обособленные группы по признакам сходства (тождественности) родового объекта и формирование на данной основе отдельных глав УК, но и порядок группировки и последовательности расположения норм внутри главы»⁵. Авторы при этом отмечают: «В основе первого уровня систематизации норм лежит родовый объект, а второго — главным образом видовой (непосредственный) объект преступления. В отдельных случаях, когда указанные разновидности объектов совпадают..., приходится изыскивать иные классификационные критерии, относящиеся к элементам состава преступления»⁶.

Но в том-то и дело, что непосредственные объекты преступлений против правосудия отнюдь не одинаковы. Уже было сказано в предшествующем параграфе, что правосудие как объект уголовно-правовой охраны ввиду многообразия включаемых в его содержание общественных отношений не может быть представлено в качестве односложного защищаемого блага.

В философской литературе и психологии замечено, что «любая органическая система, в том числе и деятельность, развивается не за счет сведения многоуровневых образований к общему знаменателю, а как раз наоборот — путем порождения из некоторой «клеточки» многообразных явлений, непохожих друг на друга»⁷, что всякая деятельность характеризуется определенной структурой⁸. Не составляет исключения и деятельность по осуществлению задач правосудия. В ходе ее возникают различные отношения. Они складываются на разных этапах развития процессуальной деятельности и после ее окончания; характеризуют разные формы судопроизводства; обеспечивают разные свойства такой деятельности. К тому же, как выяснено ранее, к этой деятельности объект уголовно-правовой охраны главы 31 УК РФ не сводится. Думается, следует усомниться в правильности традиционного подхода к определению непосредственных объектов преступлений против правосудия. Подход этот заключается в том, что данные объекты отождествляются с объектом преступлений, включенных в соответствующую главу. При этом ученые либо

избегают вообще упоминаний о непосредственных объектах отдельных посягательств против правосудия⁹, либо называют в качестве таковых нормальную деятельность органов прокуратуры, следствия и суда¹⁰ и т. п. Иногда в качестве основного непосредственного объекта указываются деятельность отдельных судов, непосредственно осуществляющих функции правосудия, и деятельность органов, в этом им содействующих¹¹.

Естественно, что при таком подходе классификация преступлений против правосудия и не могла строиться по принципу общности основного непосредственного объекта преступления.

Не можем мы с учетом сказанного согласиться и с мнением М.А. Гараниной, считающей, что система преступлений против правосудия, построенная по непосредственному объекту, отличается сложностью и неудобна при практическом использовании¹².

Нельзя сказать, что в юридической литературе не предпринималось усилий выяснить структуру правосудия как объекта уголовно-правовой охраны. Так, отнюдь не бесперспективной была попытка построить систему преступлений против правосудия с учетом признаков их объекта, предпринята И.С. Власовым и И.М. Тяжковой в 1968 году. «Имеет смысл, — подчеркивали авторы, — выделить использование судебно-следственными работниками их прав в интересах осуществления задач правосудия, а не вопреки им, в качестве подгруппового объекта преступлений, предусмотренных ст.ст. 176—179 УК РСФСР»¹³. Развивая эту мысль¹⁴, И.С. Власов и И.М. Тяжкова подчеркивали, что в отличие от этих преступлений остальные преступления, названные в главе 8 УК РСФСР, посягают на правосудие как бы «извне». При этом ученые отмечали, что преступления, предусмотренные ст.ст. 180, 181, 183, 184 УК РСФСР, «всегда препятствуют поступлению от граждан в распоряжение правосудия доброкачественных сведений и доказательств, которые представляют собой важное условие осуществления задач правосудия», что объектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 182, 189, 190 УК РСФСР, является беспрепятственное получение необходимых сведений, а преступлений, регламентированных в ст.ст. 185—188 УК РСФСР, — реализация осуществления приговора¹⁵.

Наиболее удачной считает классификацию преступлений против правосудия по их непосредственному объекту М. Голоднюк. Автор указывает, что такая классификация в наибольшей

степени отражает те общественные отношения, которым определенные группы данных преступлений причиняют вред, и пишет: «По непосредственному объекту преступления против правосудия можно дифференцировать следующим образом.

1. Преступления, препятствующие исполнению работниками правоохранительных органов их обязанностей по осуществлению целей и задач правосудия.

2. Преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами (судьями, прокурорами, лицами, производящими дознание и предварительное расследование).

3. Преступления, препятствующие осуществлению мер государственного принуждения, указанных в приговорах, решениях суда или иных судебных актах»¹⁶.

Тенденция перехода от классификации рассматриваемых преступлений по признакам субъекта к группировке с учетом особенностей непосредственного объекта преступлений наметилась и в учебной литературе. Так, автор соответствующего раздела учебника «Российского уголовного права» считает указанный критерий положенным в основу следующей группировки преступлений, предусмотренных в гл. 31 УК:

а) посягательства на судей и сотрудников органов предварительного расследования (ст.ст. 294—298);

б) служебные преступления участников уголовного судопроизводства (ст.ст. 299—302, 305, 310, 311);

в) фальсификация и сокрытие доказательств (ст.ст. 303, 304, 306—309, 316);

г) невыполнение процессуальных решений (ст.ст. 312—315)¹⁷.

В «Учебнике Особенной части уголовного права» также, наряду с группировкой преступлений против правосудия по признаку субъекта преступления, сделана попытка классифицировать посягательства, содержащиеся в гл. 31 УК, с учетом объекта преступления. Авторы считают, что предпочтительнее говорить о закреплении в данной главе трех разновидностей уголовно-противоправных деяний: а) воздействия на лиц, участвующих в отпращивании правосудия; б) злоупотребления правами и обязанностями представителя правосудия; в) неисполнения гражданского, служебного или общественного долга в сфере правосудия со стороны лиц, не являющихся его представителями по конкретному делу¹⁸.

Получила относительное распространение и классификация, заключающаяся в выделении следующих пяти групп преступлений:

а) посягательства, направленные на отношения по реализации конституционных принципов правосудия (ст.ст. 299—301, 305 УК);

б) посягательства на деятельность органов правосудия в соответствии с его целями и задачами (ст.ст. 294—298, 311 УК);

в) посягательства на процессуальный порядок получения доказательств по делу (ст.ст. 302—304, 306—309 УК);

г) посягательства на деятельность органов правосудия по своевременному пресечению и раскрытию преступлений (ст.ст. 310, 316 УК);

д) посягательства на отношения по реализации судебного акта¹⁹.

Однако приведенные классификации в большей или меньшей степени страдают некоторыми недостатками. Эти недостатки выражаются как в том, что единство основания классификации не выдерживается, так и в том, что основной объект преступления как критерий классификации в действительности подменяется другим. Подтвердим сказанное на примере некоторых классификаций.

Неоправданным, в частности, представляется объединение под наименованием «Посягательства на судей и сотрудников органов предварительного расследования» преступлений, предусмотренных ст.ст. 294—297 УК, ибо далеко не все из этих посягательств соответствуют данному наименованию. Состав преступления, предусмотренный ст. 294 УК, вообще может иметь место без какого-либо воздействия на лиц, участвующих в отправлении правосудия или осуществляющих предварительное расследование. Не характерно посягательство на судей и для состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК, где установлена ответственность за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участника судебного разбирательства.

Выделенные преступления действительно могут быть отнесены к одной классификационной группе, но по другому общему свойству. Объединяет указанные преступления то, что ими нарушаются общественные отношения, призванные обеспечить предпосылки для выполнения участниками процесса и последующей деятельности своих функций.

Отнюдь не по признаку основного непосредственного объекта сконсолидированы в одну классификационную группу служебные преступления участников уголовного судопроизводства (ст.ст. 299-302, 305, 310, 311)²⁰. Если уж и говорить об общности нарушаемых данными преступлениями отношений, то лишь применительно к дополнительным объектам, которые характеризуют престиж и осуществляемую в рамках закона деятельность государственного аппарата. Что же касается группы преступлений, объединенных авторами под рубрикой «фальсификация и сокрытие доказательств» (ст.ст. 303, 304, 306—309, 316), то к ней некоторые из названных преступлений либо имеют слишком отдаленное отношение, либо не имеют такого отношения вообще. Простой состав ложного доноса, в частности, не имеет ничего общего с воздействием на процесс доказывания. А укрывательство преступления далеко не всегда является сокрытием доказательств, ибо оно возможно и в иных формах оказания помощи преступнику после совершения им основного посягательства. К тому же наименование рубрики характеризует скорее объективную сторону преступления, чем его объект. Последнее касается и такой классификационной группы, как невыполнение процессуальных решений (ст.ст. 312—315).

В классификации, предложенной М. Голоднюк, в действительности в качестве основания выделения некоторых групп легко угадываются все те же признаки субъекта преступления («преступления, совершаемые в процессе отправления правосудия должностными лицами (судьями, прокурорами, лицами, производящими дознание и предварительное расследование)»).

Сходные критические замечания могут быть отнесены и ко многим другим имеющимся в юридической литературе группировкам преступлений против правосудия.

Думается, что при построении классификации преступлений против правосудия необходимо учитывать, во-первых, различия в общественных отношениях, складывающихся в этой сфере, а во-вторых, насколько таковые учтены в Уголовном кодексе.

Располагая нормативный материал в главе 31, законодатель далеко не всем этим различиям придал значение при дифференциации ответственности. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что законодателем практически не предусмотрено особых

средств защиты для гражданского процесса. Лишь одна норма УК специально создана для охраны общественных отношений, возникающих в ходе производства по гражданским делам (ч. 1 ст. 303). Остальные нормы либо посвящены защите уголовного процесса (а также его результатов) (ч. 2 ст. 294, ст.ст. 299—302, ч. 2 ст. 303, ст.ст. 304, 306, 310, ч. 2 ст. 312, ст.ст. 313, 314, 316), либо направлены на охрану правосудия в целом (ст.ст. 295—298, 305, 307—309, ст. 311, ч. 1 ст. 312, ст. 315).

Нельзя также утверждать, что законодатель произвел группировку преступлений с учетом тех этапов развития процессуальной деятельности, на которых развиваются общественные отношения, являющиеся защищаемым уголовным правом социальным благом.

Так, преступления, предусмотренные ст. 295, ч. 2 ст. 303, ст.ст. 307—309, 311, ч. 1 ст. 312, ст. 316 УК, могут быть совершенны, когда соответствующая деятельность находится на любой (или за некоторым исключением любой) стадии.

Преступление, предусмотренное в ч. 1 ст. 306 УК, посягает на деятельность по решению вопроса о возбуждении уголовного дела (преследования). Указанный вопрос может быть разрешен неправильно в связи с провокацией взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК). Однако последнее преступление может быть совершено и тогда, когда уголовный процесс находится в стадии предварительного расследования. Тогда же могут быть выполнены преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 294, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298, ст.ст. 299—302, ст. 310 УК, или по крайней мере важно, что указанный этап уже имел место.

Без прохождения дела в судебных стадиях не могут быть совершены преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 294, ч. 1 ст. 296, ч. 1 и 2 ст. 297, ч. 1 ст. 298, ч. 1 ст. 303, ст. 305 УК.

Преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298, ч. 2 ст. 312, ст.ст. 313—315, посягают на отношения, развивающиеся на этапе исполнения процессуальных актов.

Представляется, что среди большого массива составов преступлений против правосудия можно прежде всего с учетом компактного расположения норм выделить две группы посягательств:

1) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие заданную законом направленность про-

цессуальной деятельности и деятельности по исполнению процессуальных актов (ст.ст. 299—309, 312—316 УК РФ);

2) преступления, нарушающие общественные отношения, являющиеся предпосылками для осуществления процессуальных функций и обязанностей по исполнению процессуальных актов (ст. ст. 294—298, 310, 311 УК РФ).

Преступления, включенные в соответствующую группу, имеют некоторые общие черты. Так, посягательства, включенные в первую группу, объединяет то, что в большинстве своем эти деяния выражаются в существенном отклонении субъектов от возложенных на них функций, нарушении обязанностей, которыми эти лица обременены. Не случайно субъект данных преступлений, как правило, специальный. Особые качества такого субъекта характеризуют либо его процессуальное положение, либо роль в исполнении судебных решений. Обладает спецификой и субъективная сторона подобных преступлений, поскольку в содержание умысла виновного в обязательном порядке включается осознание им своего особого статуса.

Сказанное в полной мере касается преступлений, предусмотренных в ст.ст. 299—303, 305, 307, 308, 312—314.

Некоторым исключением выглядят составы провокации взятки (ст. 304 УК) и укрывательства. Те и другие преступления способны создать препятствия для решения конкретных задач уголовного процесса, но лица, подлежащие ответственности за данные деяния, не обязательно должны быть обремененными особыми обязанностями.

Общими чертами обладают и преступления, нарушающие условия, необходимые для успешного осуществления процессуальных функций и исполнения процессуальных актов. Все эти посягательства заключаются в создании препятствий для выполнения носителями данных функций их прав и обязанностей. Лица, подлежащие ответственности за подобное преступление, определяются законодателем без учета процессуального положения виновных. Как правило, субъект указанных преступлений наделен лишь общими признаками. Таковы преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 294, ст.ст. 295—298, 309. Но если даже субъект преступлений, отнесенных к данной группе, и является специальным, его отличительные признаки характеризуют отнюдь не его особые функции в процессе либо при исполнении судебного

решения. Для некоторых из этих посягательств обязательны цель воспрепятствования соответствующей деятельности или мотив мести за подобного рода деятельность, хотя в законе это не всегда выражено прямо (ч. 1 и 2 ст. 294, ст.ст. 295, 296, 298, 309).

Ответственность за указанные преступления наступает независимо от того, насколько их совершение в действительности осложнило решение стоящих перед правосудием задач.

Преступления, включенные в каждую из этих двух групп, могут быть подвергнуты дальнейшей классификации с учетом других различий в нарушаемых общественных отношениях.

Так, думается, что при группировке преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие заданную законом направленность процессуальной деятельности и деятельности по реализации процессуальных актов, необходимо принять во внимание те свойства правосудия, которые гарантируются посредством данных отношений. Соответственно целесообразно выделить:

1) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие охранительный характер правосудия (ст.ст. 299, 300, 304, 316);

2) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие познавательный-правоприменительный метод осуществления правосудия (ст.ст. 303, 305—309 УК);

3) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие процессуальную форму осуществления правосудия и связанной с ним деятельности (ст.ст. 301, 302 УК);

4) преступления, нарушающие общественные отношения, обеспечивающие обязательность процессуальных актов (ст.ст. 312—315 УК).

Поясним некоторые моменты приведенной классификации. Преступления, включенные в первую подгруппу, могут быть совершены только в сфере уголовного судопроизводства и соответственно мешают решению задач именно уголовного процесса. Гарантирование последних с помощью уголовно-правовых средств, думается, заключается в следующем.

Во-первых, в охране общественных отношений, обеспечивающих ограждение от необоснованного осуждения и обвинения невиновных лиц, а также исключаящих нецелесообразную реализацию уголовной ответственности или применение чрезмерно

сурового наказания к лицам, избличенным в совершении преступления (ст.ст. 299, 304 УК РФ).

Во-вторых, в охране общественных отношений, гарантирующих уголовное преследование виновных, обеспечение реализации уголовной ответственности, если нет оснований для освобождения от нее, применение соразмерного наказания (ст.ст. 300, 316).

Защита правосудия как строго регламентированной законом деятельности, его процессуальной формы непосредственно связана с решением выше сформулированных задач уголовного процесса. С одной стороны, для избличения лиц, совершивших преступление, обеспечения целесообразной реализации уголовной ответственности и применения справедливого наказания законодатель позволяет правоохранительным органам подвергать граждан принудительным мерам, ущемляющим их [граждан] интересы. Однако решение другой охранительной задачи требует установления пределов в этом отношении, соблюдение которых является исключительно важным для сохранения самой сущности уголовного процесса. В частности, нельзя переоценить значение строгой регламентации применения средств принуждения, облегчающих получение доказательственной информации либо выражающихся в лишении человека личной свободы²¹. Думается, что именно в качестве гарантий от произвольного осуществления подобных мер сконструированы составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 301 и 302 УК.

Воспринимаемым таким образом назначением упомянутых статей УК можно объяснить помещение составов заведомо незаконных задержания или заключения под стражу в главу о преступлениях против правосудия. Статья 301 УК не соседствует с предписаниями ст.ст. 126 и 127, поскольку объектом (основным) регламентируемого ею преступления является не свобода, не личная неприкосновенность как таковые, а общественные отношения, исключающие применение процессуального задержания, заключения под стражу или содержания под стражей в качестве меры пресечения без предусмотренных на то процессуальным законом оснований или с нарушением установленного данным законом порядка. Подобные отношения являются неотъемлемой частью нормально развивающейся процессуальной деятельности. Личная свобода гражданина применительно к преступлениям,

предусмотренным ст. 301 УК, выступает лишь в качестве дополнительного, хотя и обязательного, объекта.

Острие запрета, содержащегося в ст. 302, направлено на защиту такого порядка получения доказательственной информации, который исключает незаконное воздействие на лиц, являющихся источником сведений.

Что касается охраны общественных отношений, обеспечивающих познавательного-правоприменительный метод осуществления правосудия, то она является равным образом важной как с точки зрения защиты правосудия по уголовным делам, так и с точки зрения защиты других видов судебного процесса. Заметим, однако, что цель установления истины²² в уголовном процессе отражает специфику его других задач. Она может быть в этой связи сформулирована как цель обеспечения в пределах, установленных уголовно-процессуальным законом, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Наличие пределов для решения познавательных задач не может не учитываться при регламентации ответственности за посягательства на общественные отношения, призванные обеспечить установление истины в процессуальной деятельности. Ярким проявлением этого является ограничение круга субъектов таких преступлений, как лжесвидетельство, отказ от дачи показаний (ст.ст. 307, 308 УК). К этой же группе преступлений следует отнести и состав фальсификации доказательств (ст. 303 УК).

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о месте среди преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие заданную законом направленность процессуальной деятельности, состава вынесения заведомо неправосудного судебного акта (ст. 305 УК). Справедливости ради его следовало бы обособить от других преступлений, входящих в данную группу. Названный состав выделяется своим наиболее общим характером. Совершение упомянутого преступления возможно во всех сферах осуществления правосудия. Вынесение неправосудного судебного акта может свидетельствовать о невыполнении любой задачи уголовного и других видов процесса, а чаще всего это связано с тем, что ни одна из целей правосудия не была достигнута, поскольку произошло существенное отклонение от важнейшей процессуальной функции. Это лишний раз доказывает взаимосвязь и процессуальных задач, и свойств правосудия.

Однако с некоторой долей условности этот состав может быть объединен с составами преступлений, предусмотренных ст.ст. 303, 307, 308 УК РФ, если считать верной мысль о тождестве неправосудного и неистинного судебного акта. О таком тождестве нельзя говорить лишь применительно к оправдательному приговору, вынесенному на основе правила о толковании неустранимых сомнений в пользу подсудимого, поскольку такой приговор, не отражая объективной истины, тем не менее должен рассматриваться как правосудный.

Надо отметить, что в юридической литературе вопрос о содержании истины обвинительного приговора также являлся спорным. Можно выделить по крайней мере три точки зрения, касающиеся ответа на него. По мнению М.С. Строговича, «понятие материальной истины относится к установлению фактов, обстоятельств уголовного дела, но не к юридической (уголовно-правовой) оценке, квалификации этих фактов и не к определению наказания за совершенное преступление»²³. Аналогичную позицию занимает М.Л. Шифман, который полагает, что «квалификация преступления» не может трактоваться как нечто объективное, существующее вне нашего сознания и независимо от него»²⁴. Другие ученые исходят из того, что в истину приговора должны входить не только выводы о фактах по делу, но и уголовно-правовой квалификации²⁵. И, наконец, ряд авторов связывают содержание судебной истины как с выводами о фактических обстоятельствах и квалификации преступления, так и с выводами суда о мере наказания²⁶.

Нам представляется правильной последняя точка зрения.

Истина, согласно диалектическому материализму, — знание, правильно отражающее объективную действительность, которое явилось результатом познавательной деятельности человека. Ответить на вопрос, что входит в содержание истины судебного приговора — значит, прежде всего, определить, что познает суд в ходе процессуальной деятельности, и, во-вторых, установить, должны ли результаты такого познания соответствовать действительности.

То, что установление фактических обстоятельств дела является деятельностью познавательной, сомнений не вызывает. Значительно сложнее обстоит дело при решении вопроса о характере деятельности при юридической квалификации установленных

фактов, поскольку последняя является деятельностью оценочной, ибо лицо, квалифицирующее деяние, оценивает его с позиций уголовного закона. Однако нельзя в данном случае деятельность оценочную противопоставлять деятельности познавательной, ибо оценка того или иного деяния производится судом не иначе как путем познания уголовно-правовой нормы в ее связи с данным деянием. «Квалифицировать деяние, — отмечал Н.Н. Полянский, — значит установить, что в нем действительно (в действительности) имеются признаки, образующие состав преступления по закону. То, что закон предусматривает определенный состав преступления, это — факт; то, что деяние содержит в себе определенные признаки, это — тоже факт; то, что эти признаки соответствуют тем, которые предусмотрены законом, как образующие состав определенного преступления, тоже факт. Установить все эти факты действительности — в этом и заключается квалификация преступления»²⁷.

Поскольку квалификация преступления является деятельностью познавательной, постольку выводы суда в этой части должны быть отнесены к категории истинных или ложных. Если отношение между деянием и нормой познано правильно, то при квалификации устанавливается объективная истина, если — нет, то вывод о квалификации является ложным. «Поскольку данная оценочная норма или критерий существуют объективно, то в случае правильного приложения этого «масштаба» к оценочным фактам (которые тоже существуют объективно) результат должен получиться объективным»²⁸. А это имеет огромное практическое значение. Если бы понятие объективной истины не распространялось на квалификацию преступления, «каждый судья смог бы мерить на свой аршин, и его выводы нельзя было бы ни проверить, ни поправить»²⁹.

В защиту точки зрения, отрицающей характер объективной истины за юридической квалификацией деяния, приводятся различные аргументы. Так, М.Л. Шифман ссылается на то, что «один и тот же факт объективной действительности может сегодня образовать один состав преступления, — в другой момент, — иной состав преступления, а может вообще перестать оцениваться как преступное деяние в силу изменившихся обстоятельств»³⁰.

Верно, конечно, что предусмотренные уголовными законами составы преступлений различны не только в разных обще-

ственных системах, но и с течением времени изменяются и в нашем обществе. Однако это не исключает того, что каждое преступление есть для своего времени реальный конкретно-исторический факт, познать который необходимо таким, каков он есть. Аргументы, приводимые М.Л. Шифманом, свидетельствуют лишь о конкретности истины, поскольку «истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области»³¹. Поэтому следует, на наш взгляд, признать допустимым применение категории «истинность» к выводам о квалификации деяния.

Нам представляется также, что неправильно оставлять за пределами истины приговора и выводы суда о мере наказания, поскольку мера уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступления, тоже характеризуется известными объективными факторами. В данном вопросе мы не согласны с высказываниями Н.Н. Полянского, который считал, что «назначая наказание, суд не констатирует фактов прошлого или настоящего, не делает вывода из наблюдаемых в действительности закономерностей..., а предъявляет требование, которое надлежащими органами должно быть осуществлено в действительности», что «наказание есть приказ, а приказ может быть только целесообразным или нецелесообразным, справедливым или несправедливым»³².

Назначение наказания есть применение санкции уголовно-правовой нормы, которая существует также объективно, как и ее диспозиция. Суд, решая вопрос о наказании, устанавливает взаимосвязь между тем или иным наказанием и тяжестью совершенного преступления и личностью преступника. Вывод суда по этому вопросу также может соответствовать или не соответствовать действительности, то есть быть или истинным, или ложным.

Отметим далее, что решение вопроса о том, распространяется ли категория «истинность» на квалификацию преступления и назначение наказания, вовсе не является решением вопроса о взаимоотношении процессов установления фактов и применения права. Между тем в литературе эти проблемы иногда смешиваются. Так, М.С. Строгович указывал, что включение в содержание истины по делу выводов суда о квалификации преступления и применении наказания «настолько расширяет понятие матери-

альной истины, что оно теряет свою определенность, и в нем смешиваются вопросы правильного установления фактов с вопросами применения норм права»³³. А.С. Шляпочников, наоборот, отмечал, что отрицание истинности в квалификации «приводит к искусственному разрыву процесса установления факта и процесса применения права, которые тесно между собой связаны»³⁴.

Установление фактов и применение права — два различных, хотя и связанных между собой процесса, каждый из которых должен завершиться установлением истины. Но «суждение о фактах и выводы юридической квалификации могут быть охарактеризованы как высказывания, устанавливающие не одну «единую неделимую» истину, а две различные истины: истину факта, заключающуюся в соответствующем объективной действительности знании о происшедшем деянии и лице, его совершившем, и истину правовой оценки, выражающуюся в ее тождественности описанию преступления, которое дает норма уголовного закона»³⁵.

В связи со сказанным состав вынесения заведомо неправосудного приговора в дальнейшем рассматривается нами в подгруппе составов преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие познавательную-правоприменительный метод осуществления правосудия.

В рамках группы посягательств на общественные отношения, являющихся предпосылками для осуществления процессуальных функций и обязанностей по исполнению процессуальных актов могут быть выделены следующие подгруппы:

- посягательства на независимость судебной власти и процессуальную самостоятельность лиц, осуществляющих расследование (ст. 294 УК);

- посягательства на жизнь, здоровье и безопасность участников процессуальной и постпроцессуальной деятельности (ст.ст. 295, 296, 311 УК);

- посягательства на авторитет суда, честь и достоинство должностных лиц, отправляющих правосудие или содействующих ему (ст.ст. 297, 298 УК);

- посягательства на общественные отношения, обеспечивающие тайну предварительного расследования (ст. 310 УК);

Конечно, как и всякая классификация, построенная нами группировка преступлений против правосудия является услов-

ной. Можно, например, обратить внимание на промежуточный характер такого посягательства, как укрывательство (ст.316 УК), которое, с одной стороны, есть нарушение условий для осуществления как процессуальной деятельности, так и деятельности по исполнению приговора, а с другой — мешает выполнению вполне определенной задачи правосудия — изобличения виновных, определения меры их вины и применения к ним заслуженного наказания. Возможно, «пограничность» данного состава и послужила одной из причин того, что законодатель поместил его в конце главы 31 УК. Подобная двойственность присуща и некоторым другим законодательным моделям преступлений против правосудия, например, провокации взятки (ст.304 УК), подкупу или принуждению к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ст. 309 УК).

Причин тому, как представляется, несколько.

Во-первых, устанавливая уголовно-правовые нормы, направленные на защиту соответствующих отношений, законодатель не мог не учесть взаимосвязи различных направлений процессуальной деятельности³⁶ и сложившейся иерархии процессуальных задач. Так, дача правдивых показаний, с одной стороны, является объективированием самостоятельной функции — содействия правосудию (расследованию преступлений)³⁷, осуществляемой свидетелем, а с другой стороны, она есть важное условие правильного разрешения дела по существу. Отсюда вытекает и специфика ч.ч. 2—4 ст. 309 УК, служащих гарантией безопасности свидетеля, без которой затруднительно выполнение лежащих на этом субъекте обязанностей. Реализация же последних способствует решению процессуальных задач, прежде всего, установлению истины. Учитывая это, законодатель включил в число признаков субъективной стороны составов преступлений, регламентируемых в упомянутой статье, определенного рода цель.

Второе объяснение, думается, можно усмотреть в стремлении законодателя достигнуть оптимального соотношения при установлении оснований и пределов ответственности за преступления против правосудия двух противоположных направлений уголовной политики — дифференциации и унификации (интеграции)³⁸. Там, где не обнаруживается существенной разницы в уровне общественной опасности, скажем, между отклонением от процессуальной функции и воспрепятствованием реализации

последней, предпочтение отдается конструкциям общего характера. Так, желая создать дополнительные гарантии для решения отдельных задач правосудия, законодатель иногда предусматривает единые пределы ответственности как непосредственно за поведение, противоположное деятельности, в результате которого соответствующая цель может быть достигнута, так и за деяние, которое лишь создает преграды для такой деятельности, нарушает условия осуществления последней. Это, например, целесообразно при регламентации уголовно-правовых средств защиты невиновного от необоснованного осуждения.

Противодействие осуществлению названной задачи судопроизводства невозможно оправдать, кем бы подобное противодействие ни осуществлялось.

Процессуальный закон не придает какой-либо задаче процесса приоритет, напротив, в нем подчеркнута их равнозначность. «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, — гласит ч. 2 ст. 6 УПК РФ, — в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». И все же нельзя не заметить разницы в отношении законодателя к данным задачам, ибо не вполне тождественны процессуальные средства их решения. Назначение виновному справедливого наказания находится в жесткой зависимости от того, удалось ли в ходе судебного разбирательства подтвердить виновность подсудимого в совершении преступления совокупностью исследованных судом доказательств. Ибо только при этом условии может быть вынесен обвинительный приговор, такой приговор не может быть основан на предположениях (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Из закрепленного в УПК принципа презумпции невиновности (ст. 14) вытекает, что решение задачи ограждения невиновного от необоснованного осуждения не зависит напрямую от установления истины. Прав был, на наш взгляд, Я.О. Мотовиловкер, который утверждал: «В той части, в какой суд в соответствии с принципом презумпции невиновности оправдывает подсудимого за недоказанностью обвинения или признает установленными обстоятельства в пользу подсудимого, основываясь не на доказательствах, достоверно подтверждающих вывод суда, а на толковании непреодолимых сомнений в интере-

сах подсудимого, речь должна идти не о применении принципа объективной истины, а об исключении из этого принципа»³⁹.

Можно также согласиться с Р.Н. Ласточкиной в том, что задача ограждения невиновного от необоснованного осуждения, благодаря презумпции невиновности, во всех случаях является единственной реально достижимой целью⁴⁰. Подобное обеспечение рассматриваемой задачи не случайно. Еще Н.Н. Полянский подчеркивал, что уголовный процесс развивался не под влиянием потребности в наиболее энергичном осуществлении карательной власти государством, а под влиянием роста прав граждан, а также постепенного связывания власти законом⁴¹.

М.А. Чельцов-Бебутов, проанализировав содержание процедуры разрешения конфликта между людьми с помощью посредника у различных народов, явившейся прообразом уголовного суда, пришел к выводу, что ее появление диктовалось необходимостью защиты первобытного общества от необоснованного уничтожения ее членов⁴². Вовсе не абсурдным, а логичным с учетом сказанного является, на наш взгляд, и суждение Е.Б. Мизулиной, полагающей, что задача ограждения от необоснованного осуждения невиновного отражает исходное предназначение уголовного процесса, ради выполнения этой задачи последний и возник⁴³.

Автор права, спрашивая: «Зачем потерпевшему-обвинителю суд? Он мог обойтись и обходился, применяя возмездие непосредственным образом к причинителю вреда, и без всякого суда. Только лишившись возможности самостоятельно назначать и применять наказание, он вынужден был признать суд в качестве единственного средства реализации своей цели и для себя.

Иное дело — обвиняемый. Для него обращение к суду — лучший из всех способов защиты от необоснованного обвинения, которые он когда-либо имел [ср.: кровная месть, поединок]»⁴⁴.

Не случайно, как только указанное предназначение уголовного процесса игнорируется, применение уголовного права начинает тяготеть к непроцессуальным формам. Ю.В. Мещеряков правильно обращает внимание на то, что «в условиях дореформенной России уголовный процесс не являлся единственным средством реализации уголовного права. Характер значительного круга уголовных правоотношений устанавливался в рамках административного процесса»⁴⁵.

Соображениями унификации можно объяснить, например, «пограничность» упомянутой ст. 304 УК РФ, а равно мотивировать, почему не ограничен какими бы то ни было рамками круг субъектов предусмотренного данной статьей преступления.

Однако подобная унификация оснований и пределов уголовной ответственности не всегда оправданна. Так, на наш взгляд, нет в законе должной дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение о совершении преступления. Часть 1 статьи 306 УК РФ, судя по формулировке ее диспозиции, рассчитана как на случаи ложного сообщения о совершении преступления с указанием на конкретное лицо, так и на случаи, когда в заведомо не соответствующем действительности заявлении о преступном посягательстве подобное указание отсутствует. Именно так толкуется названная статья большинством современных авторов ⁴⁶. До сих пор по этому пути шла и судебная практика. Так, Урюпинским районным судом Волгоградской области был осужден по ч. 1 ст. 306 УК РФ Ч. Он признан виновным в преступлении, совершенном при следующих обстоятельствах.

4 января 1998 года вместе со своим другом Н. Ч. катался на принадлежащей ему автомашине ВАЗ 2101 по улицам города Урюпинска. Следуя по улице Мичурина около 19 часов, передал руль управления Н., который в переулке Безымянный совершил касательное столкновение с автомашиной ВАЗ 2106, которой управляла гражданка Б. После дорожно-транспортного происшествия Ч. с Н. скрылись с места происшествия. Оставив автомобиль во дворе пятиэтажных домов по улице Московской, через некоторое время пошли пешком в сторону места столкновения. Проходя мимо Б., спросили, запомнила ли она номер. Получив отрицательный ответ, Ч. решил уйти от уголовной ответственности и возмещения материального вреда. Утром следующего дня он подал заявление об угоне своей автомашины неизвестным лицом, о чем следственными органами было возбуждено уголовное дело. Ложь Ч. однако была обнаружена ⁴⁷.

Ознакомление с действующим УПК РФ однако заставляет задуматься над вопросом: не будет ли подобная практика сейчас ошибочной? Так, ч. 2 ст. 148 названного нормативного акта обя-зывает прокурора, следователя, орган дознания при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки сообщения о преступлении, связанного с

подозрением в его совершении конкретного лица или лиц, рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении. Подобной обязанности на правоохранительные органы в тех случаях, когда ложное сообщение не содержит указания на конкретного виновника, УПК не возлагает. Это, думается, полностью согласуется с названием ст. 306 УК РФ. Дело в том, что в русском языке слово «донос» увязывается обычно с информацией о порочащей деятельности кого-либо. Например, в «Словаре В.И. Даля» находим: «Донос, довод на кого, не жалоба за себя, а объявление о каких-либо незаконных поступках другого; извет»⁴⁸. Тот же смысл в это слово вкладывает С.И. Ожегов: «Донос — тайное сообщение представителю власти, начальнику о чьей-то предосудительной с их точки зрения деятельности, поступках»⁴⁹. В дореволюционной юридической литературе термин «заведомо ложный донос» также распространялся не на всякое ложное сообщение о преступном деянии. П.П. Пусторослев, например, писал: «Преступным ложным доносом называется запрещенное уголовным законом виновное умышленное, ложное обвинение человека в уголовном правонарушении человеком, находящимся в состоянии вменяемости, učinенное перед органом власти, компетентным, то есть управомоченным или обязанным к возбуждению уголовного преследования, но učinенное до возбуждения этого преследования»⁵⁰. Ту же позицию занимал и И.Я. Фойницкий, утверждая, что «ложный донос есть заведомо лживое обвинение человека перед органами судебной власти в наказуемом деянии»⁵¹.

В ряде зарубежных стран законодатель дифференцирует ответственность за заведомо ложный донос с обвинением кого-либо в совершении преступления и за ложное заявление о преступном деянии без указания на лицо, его совершившее. Так, УК Франции предусматривает наказание в виде 6 месяцев тюремного заключения и штрафа в 50000 франков за ложное сообщение органам судебной или административной власти о фактах, образующих преступление или проступок, заставившее судебные власти проводить бесполезное расследование (ст. 434—26). Клеветнический же донос карается более сурово — пятью годами тюремного заключения и штрафом в 300 000 франков (ст. 226—10). Различает подобные деяния и УК ФРГ. Так, § 145 «Vortäuschen

einer Straftat» действует в том случае, когда подозрения падают на неизвестного, а § 164 «Falsche Verdächtigung» предполагает подозрения против конкретного лица⁵².

Интерес представляет и решение данного вопроса в УК Испании. В разных статьях этого кодекса предусматривается ответственность за ложное обвинение в совершении преступления другого лица (ст. 456) и за сообщение о несуществующем уголовном нарушении либо за ложное заявление о себе как о виновном либо как жертве уголовного нарушения (ст. 457). Наказание за второе преступление предусмотрено в виде штрафа на сумму от шести до двенадцати месячных заработных плат. При конструировании санкции за первое посягательство законодатель Испании учел тяжесть обвинения. Так, наказание за ложное обвинение в менее тяжком преступлении установлено в виде штрафа на сумму от двенадцати до двадцати четырех месячных заработных плат (п. 2 ч. 1 ст. 456), а за ложное обвинение в тяжком преступлении — в виде тюремного заключения на срок от шести месяцев до двух лет со штрафом на сумму от двенадцати до двадцати четырех месячных заработных плат (п. 1 ч. 1 ст. 456)⁵³. Подобный законодательный подход нам представляется оправданным.

Уголовно-процессуальное правоотношение в отличие от уголовно-правового порождается не преступлением, а получением информации, указывающей на признаки преступления. Осуществляемая при этом деятельность правоохранительных органов перспективна лишь при условии, если предоставленная информация о совершенном или готовящемся преступном посягательстве соответствует действительности. Получение же ложного сообщения побуждает компетентных должностных лиц к бесполезной работе, отвлекает их от деятельности по расследованию действительно имевших место преступлений. Поэтому в законе должна устанавливаться уголовная ответственность за ложное сообщение также о факте совершения преступления, а равно за ложную явку с повинной. Однако необходимо учесть и повышенный уровень общественной опасности ложного сообщения о совершении преступления, сопряженного с обвинением в нем другого лица. Ведь такое деяние придает деятельности компетентных органов опасную перспективу, такая деятельность осуществляется или может осуществляться не в соответствии с назначением

уголовного процесса, а вопреки ему, выполнение задачи ограждения невинного от необоснованного осуждения и обвинения в этом случае поставлено под угрозу.

Думается, что подобное различие в степени общественной опасности ложных сообщений о совершении преступления свидетельствует о целесообразности регламентации ответственности за такие посягательства в разных статьях Уголовного кодекса РФ.

Из предшествующего изложения вытекает, что построенная нами классификация преступлений против правосудия позволяет оценить обоснованность выбора законодателем одного из направлений уголовной политики при регламентации ответственности за посягательства подобного рода.

Думается, что предложенная классификация значима и для правоприменения. Верное определение целевого назначения той или иной статьи, включенной в главу 31 УК РФ, а следовательно, и защищаемого соответствующей нормой социального блага облегчает решение вопроса о соотношении различных составов преступлений против правосудия, в ряде случаев помогает уяснить содержание признаков, недостаточно четко выраженных в законе. С помощью данной группировки преступлений против правосудия можно осветить ряд проблем, касающихся квалификации общественно опасных деяний. Ведь правильное применение закона об ответственности за преступления против правосудия практически невозможно без ответа на следующий вопрос: нарушает ли преступное деяние условия осуществления правосудия и какие именно, или оно непосредственно препятствует решению одной или нескольких задач процессуальной деятельности.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Чем главным образом диктуется объединение законодательных конструкций преступлений против правосудия в рамках одной главы Уголовного кодекса России?

2. Что занимает центральное место среди общественных отношений, охраняемых главой 31 УК РФ?

3. С какими свойствами правосудия связаны особенности уголовно-правовой охраны указанной деятельности?

4. Исчерпывается ли содержание объекта преступлений, включенных в главу 31 УК РФ, деятельностью по отправлению правосудия?

5. Почему ответственность за уклонение от отбывания лишения свободы предусмотрена в главе 31 УК РФ? Повлияло ли бы на решение вопросов о квалификации соответствующих деяний перемещение положений ст. 314 Уголовного кодекса в главу 32-ю последнего?

6. Только ли нормами главы 31 УК РФ охраняется правосудие?

7. Могут ли преступления против правосудия совершаться путем бездействия?

8. В чем заключается специфика деяния в данных составах преступления?

9. Есть ли среди составов преступлений против правосудия материальные составы?

10. В чем выражаются особенности изложения нормативного материала, закрепленного в гл. 31 УК РФ?

11. Чем определяется специфика свойств субъектов преступлений против правосудия и в чем она заключается?

12. Есть ли среди преступлений против правосудия посягательства с неосторожной формой вины?

13. Имеют ли значение для квалификации преступлений против правосудия их мотив и цель?

14. В чем заключается своеобразие указанных в законе мотивов и целей соответствующих посягательств?

15. В чем заключается традиционная классификация преступлений против правосудия?

16. Какое значение имеет построение группировки преступлений против правосудия с учетом признаков их субъектов?

17. Чем объясняется необходимость многоступенчатой классификации посягательств против правосудия с учетом признаков субъекта преступления?

18. О какой группе преступлений принято говорить как о посягательствах на правосудие, осуществляемых «изнутри»?

19. Чем обусловлена необходимость построения классификации преступлений против правосудия с учетом общности признаков объекта посягательства?

20. Что необходимо учитывать при построении классификации преступлений против правосудия по объекту посягательства?

21. На какие две большие группы могут быть подразделены преступления против правосудия?

22. Какими специфическими качествами обладают преступления, включенные в каждую из этих групп?

23. Какое значение для построения дальнейшей классификации имеют свойства правосудия? А условия его осуществления?

24. Какое значение имеет классификация преступлений против правосудия, построенная с учетом признаков объекта преступления, для теории и правоприменения?

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ См. об этом, напр.: Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 167; Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. М., 2000. С. 368—382; Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. Хабаровск, 2001. С.9.

² См.: «Круглый стол» — «Конституция Российской Федерации и совершенствование юридических механизмов защиты прав человека» // Государство и право. 1994. № 10. С. 15—16.

³ См.: Егорова Н.А. Коррупция и ограничение прав человека // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву. Ч. 2. Т. 1. Н. Новгород, 1998. С. 45—46.

⁴ См., напр.: Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 5.

⁵ См., напр.: Демидов Ю.А. Юридическая и моральная оценка преступления // Советское государство и право. 1970. № 2. С. 90.

⁶ См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 6.

⁷ См.: Коржанский Н.И. Указ. соч. С. 7.

⁸ См., напр.: Никифоров Б.С. Указ. соч.; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

⁹ См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 149.

¹⁰ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 202.

¹¹ См., напр.: Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 183—185; Уголовное право

России. Часть Общая: Учебник / Под. ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 119; и др.

¹² Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть: Учебник. Краснодар, 1999. С. 96.

¹³ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 146.

¹⁴ Власов. И.С. Об объекте преступлений против правосудия // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 1/18. М., 1964. С. 100.

¹⁵ Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С.47.

¹⁶ См. об этом: Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000. С. 22—27.

¹⁷ Гуценко Г.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М., 1996. С. 52.

¹⁸ Нам могут возразить, что в ч. 2 ст. 118 Конституции говорится о методах функционирования судебной власти, а не правосудия. Такие возражения, на наш взгляд, не будут иметь серьезного обоснования, если учитывать не только организационный, но и функциональные аспекты такого явления, как судебная власть. Последняя с этих позиций должна рассматриваться как «принадлежащие государственным органам — судам право и возможность осуществлять правосудие посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Такое определение судебной власти дает В.А. Лазарева (Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 11).

¹⁹ Нам представляется, что права авторы, включающие деятельность Конституционного Суда РФ в объект уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ (См., напр.: Кулешов Ю.И. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны: история и современность// Правоведение. 1999. № 4. С. 88). Конечно, эта деятельность не охватывается определением правосудия, которое было дано в Законе РСФСР «О судостроительстве РСФСР» (в ред. от 3 июля 1992 года). Однако само это определение в свете конституционных положений и принятых на их основе законодательных актов (См., напр.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года «О Конституционном суде Российской Федерации» (СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2001. № 7. Ст. 607; Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» (СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1); и др.) несколько устарело. Как отмечается в литературе, «в Конституционном суде в особых процессуальных формах также происходит защита прав человека и гражданина от государства, издавшего неконституционный закон, создающий реальную угрозу нарушения прав и свобод индивида, что дает основания видеть в конституционном судостро-

производстве особую форму осуществления правосудия, разрешения правового конфликта, защиты прав и свобод человека и гражданина» (Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 42; См. также: Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учеб. пособие для вузов. М., 1998. С. 202—275). Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что некоторые составы преступлений, включенных в гл. 31 УК РФ, не рассчитаны на защиту конституционного правосудия, что, думается, следует считать упущением законодателя.

²⁰ В юридической литературе высказано мнение, что в понятие родового объекта преступлений против правосудия должна быть включена деятельность (помимо судов общей юрисдикции) арбитражных судов по разрешению экономических споров и споров в сфере управления (См., напр.: Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов. Т. 5. М., 2002. С. 145). Соглашаясь с данной позицией, в то же время отметим, что законодатель не упомянул в ст. 118 Конституции об арбитражном судопроизводстве как одной из форм судебной власти, на наш взгляд, лишь потому, что считает таковое разновидностью гражданского судопроизводства. Именно к этой форме осуществления правосудия относят арбитражное судопроизводство некоторые цивилисты (См., напр.: Защита прав человека и гражданина в порядке гражданского судопроизводства // Общая теория прав человека / Под ред. Е.А. Лукашевой. М., 1996. С. 234—236).

²¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 7.

²² Там же. С. 7

²³ Там же. С. 8

²⁴ Говоря об этой черте правосудия, Д.А. Донсков правильно замечает, что «правосудие осуществляется в особой процессуальной форме, строго зависящей от вида судопроизводства» (Донсков Д.А. Понятие преступлений против правосудия // Юридические записки Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Вып. 6. Ярославль, 2002. С. 211).

²⁵ Носкова Н.А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975. С. 10.

²⁶ См., напр.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 107—108.

²⁷ Гуценко Г.Ф., Ковалев М.А. Указ. соч. С. 51.

²⁸ Иное следует сказать о § 120 УК Германии, предусматривающем ответственность за незаконное освобождение заключенных (*Verfangenenbefreiung*). В немецкой литературе отмечается, что объектом данного преступления является не судопроизводство, а государственное управление. Решающим для данного параграфа является то,

что лишение свободы осуществляется компетентными органами формально согласно установленному порядку. Не играет роли, обосновано ли оно материально. Иначе оценивается освобождение невиновного из-под следственного ареста. В соответствии с § 258, где объектом является судопроизводство, действия того, кто помогает невиновному против уголовного преследования, не образуют состава преступления (см.: Tritjof Haft. Strafrecht. Besonderer Teil. Die wichtigsten Tatbestände des Besonderen Teiles des Strafgesetzbuches. München, 1982. S. 10).

²⁹ Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938—1978. М., 1980. С. 232.

³⁰ См.: Москвитина Т.А. Некоторые предложения по совершенствованию проекта Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 185. Сходное мнение высказано А. Кузнецовым (см.: Кузнецов А. Совершенствование уголовно-правовых гарантий конституционных прав обвиняемого // Советская юстиция. 1980. № 13. С. 4).

³¹ Автор разделяет позицию теоретиков, считающих необходимым выделять среди нарушаемых отдельным преступлением общественных отношений основные, дополнительные и факультативные объекты. Иначе невозможно объяснить, почему законодательная модель деяния, наносящего ущерб разным социальным ценностям, занимает только одно место в системе Особенной части Уголовного кодекса. Дефиниции для указанных видов объектов впервые предложил Е.А. Фролов (См.: Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 213). Сформулированные ученым определения подвергались критике и уточнениям. Наиболее конструктивно к этому, на наш взгляд, подошел Н.И. Коржанский. Последний, в частности, подчеркивает, что в дефиниции основного объекта важно указать не только на стремление законодателя поставить данное благо под охрану, но и на то, что в посягательстве на соответствующее общественное отношение заключается социальная сущность того или иного преступления. Дополнительным объектом Н.И. Коржанский называет «те общественные отношения, посягательство на которые не составляет сущности данного преступления, но которые данное преступление изменяет наряду с основным объектом», а факультативным — «те общественные отношения, которые данным преступлением в одних случаях изменяются, а в других — нет» (См.: Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. Волгоград, 1976. С. 30—31).

³² См. об этом: «Грязные» деньги и закон. Правовые основы борьбы с легализацией доходов: Сборник материалов. М., 1994. С. 135.

³³ Жалинский А.Э. К вопросу о работе над проектом Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 39.

³⁴ См.: Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 146. Аналогично: Ларичев В.Д. Совершенствование законодательства по борьбе с «отмыванием» денег, полученных преступным путем // Государство и право. 1992. № 11. С. 99.

³⁵ Егорова Н.А. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 57.

³⁶ В «Словаре иностранных слов» легализация определяется как «узаконение, придание законной силы» (См.: Словарь иностранных слов. М., 1980. С. 280).

³⁷ Подробный анализ состава преступления, предусмотренного §261 УК ФРГ, содержится в статье А.А. Шебунова (см.: Шебунов А.А. Борьба с легализацией незаконно полученных доходов по уголовному праву ФРГ // Государство и право. 1998. № 6. С. 78—87).

³⁸ См.: Уголовный кодекс Швейцарии/ Пер. с нем. М., 2000. С. 99.

³⁹ Н.И. Коржанский, правильно, на наш взгляд, пишет, что «приведение системы Особенной части уголовного законодательства в соответствие с системой классификации объектов преступления должно заключаться не только в том, чтобы в каждой главе были помещены преступления, посягающие на один и тот же родовой объект, но и в том, чтобы непосредственный объект каждого из преступлений, отнесенных к этой главе, лежал в плоскости этого родового и видового объекта» (Коржанский Н.И. Развитие учения об объекте преступления в науке советского уголовного права // Становление и развитие советского уголовного законодательства. Волгоград, 1973. С. 44).

⁴⁰ Разъясняя значение словосочетания «в связи со служебной деятельностью представителя власти», Р. Ибрагимов и А. Кочетков справедливо отмечают, что о соответствующей связи речь может идти, если «посягательство вызвано какой-либо законной деятельностью..., которая либо имела место в прошлом, либо происходит в настоящем, либо может произойти в будущем» (Ибрагимов Р., Кочетков А. О содержании и значении признака «связь посягательства со служебной деятельностью представителя власти» // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1985. № 5. С. 64).

⁴¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. А.В. Наумова. М., 1996. С. 711.

⁴² Пусторослев П.П. Из лекций по особенной части Русского уголовного права. Вып. 1. Юрьев, 1908. С. 9.

⁴³ Занятием «всеобщего сословия» Г.В.Ф. Гегель считал охрану всеобщих интересов общества (См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 243).

⁴⁴ Сказанное равным образом касается составов преступлений, предусмотренных в ст. 277, 317 УК.

⁴⁵ См.: Новый уголовный кодекс Франции. М., 1993. С. 60.

⁴⁶ О том, что «объекты уголовно-правовой охраны различаются как более или менее ценные», подробно пишет Ю.А. Демидов (Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 61).

⁴⁷ Коржанский Н.И. Ценностная характеристика объектов уголовно-правовой охраны и степень их преступного повреждения // Этика предварительного следствия: Труды высшей следственной школы. Вып. 15. Волгоград, 1976. С. 138).

⁴⁸ См.: Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. СПб., 2002. С. 199.

⁴⁹ Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998.

⁵⁰ См.: Уголовный кодекс Швейцарии / Пер. с нем. М., 2000. С. 75—76.

⁵¹ В литературе верно отмечено, что «лишь некоторые составы преступлений (ст. 308, 314, 315 УК РФ) описывают бездействие как форму преступного деяния против интересов правосудия» (Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации: Учеб. пособие. Хабаровск, 2001. С. 12).

⁵² См., напр.: Чучаев А.И. Преступления против правосудия: Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 6.

⁵³ В юридической литературе отмечается, что «дополнительное последствие также оказывает весьма ощутимое воздействие на диспозицию и санкцию правовой нормы» (Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 47). Необходимость выделения в соответствующей классификации дополнительных последствий обосновывается или признается и другими учеными (См., напр.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 137—142; Кригер Г.А. Преступные последствия и структура составов преступления // Социалистическая законность. 1980. № 3. С. 48; и др.).

⁵⁴ Обстоятельный анализ различных объяснений причин появления в законе формальных составов преступлений содержится в цитируемой выше работе В.В. Мальцева (см.: Мальцев В.В. Указ соч. С. 93—96).

⁵⁵ Об особенностях бланкетной диспозиции и признаков составов преступлений, имеющих бланкетный характер, см.: Пикуров Н.И.

Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: Лекция. Волгоград, 1985. С. 8—11.

⁵⁶ Некоторые авторы умышленную форму вины в преступлениях против правосудия относили к важнейшим критериям отграничения их [преступлений] от других правонарушений. «Чтобы отнести посягательства на интересы правосудия к преступным, — писала, например, Ш.С. Рашковская, — необходимо установить умысел на совершение деяний, предусмотренных уголовным законом» (Рашковская Ш.С. Отграничение преступлений против правосудия от дисциплинарных проступков // Социалистическая законность. 1976. № 12. С. 39).

⁵⁷ См., напр.: Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1979. С. 396.

⁵⁸ См., напр.: Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 107.

⁵⁹ Бардзкий А.Э. Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе: Сочинения присяжного поверенного округа Московского Судебной палаты. Тула, 1884. С. 290.

⁶⁰ Еще в 1884 году было сказано, что «закон допускает подачу письменных особых мнений не как критику одним судьей решения или приговора, постановленного большинством судей, вопреки его мнению, а только в ограждение судьи от нравственной и юридической ответственности за невольное участие в постановлении заведомо для него неправильной резолюции, которую он все-таки обязан подписать (786 ст. уст. уг. суд.)» (Волжин В. Особые мнения при постановлении приговоров и независимость судей // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. Кн. восьмая. С. 11).

⁶¹ Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М., 1991. С. 137.

⁶² См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 8 декабря 2003 г. №162-ФЗ // Российская газета. 2003. 16 декабря.

⁶³ Уголовный кодекс Испании. С. 139.

⁶⁴ См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 274—276.

К главе II

¹ Нечепуренко А.А. Проблема оптимизации санкций за преступления против правосудия // Преступления против правосудия: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты. Омск, 1996. С.34.

² См., например: Сахаров А., Носкова Н. Преступления против правосудия // Социалистическая законность. 1987. №11. С. 46; Иванов

В.Д. Вопросы борьбы с посягательствами против правосудия в деятельности органов суда и следствия Казахской ССР: Учеб. пособие. Караганда, 1975. С. 6—7; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1988. С. 398; Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 619—620; и др.

³ Пусторослев П.П. Указ. соч. С. 10.

⁴ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (Теоретические проблемы). М., 1981. С. 60.

⁵ Ляпунов Ю.И., Мшвениерадзе П.Я. Основы систематизации норм Особенной части уголовного права // Правоведение. 1985. № 3. С. 27.

⁶ Ляпунов Ю.И., Мшвениерадзе П.Я. Указ. соч. С. 27.

⁷ Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 241.

⁸ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 107.

⁹ См., напр.: Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Т.3. Часть Особенная. Ростов н/Д. 1997. С. 141—142, 143, 145 и далее; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 719—720, 721; и др.

¹⁰ Так, напр.: Я.М. Кульберг в качестве объекта преступления, предусмотренного в ст.176 УК РСФСР, называл нормальную деятельность органов советской юстиции и интересы личности (См.: Кульберг Я.М. Преступления против правосудия. М., 1962. С. 26).

¹¹ См., напр.: Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. П.И. Гришаева и Б.В. Здравомыслова. М., 1988. С. 395.

¹² См.: Гаранина М.А. Система преступлений против правосудия (формирование и развитие): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 23.

¹³ Власов И.С., Тяжкова И.М. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Хотя в классификации И.С. Власова и И.М. Тяжковой в качестве основания фигурирует подгрупповой объект, наше направление научного поиска мало чем отличается от избранного названными учеными. При выделении групп подгрупп преступлений учитываются признаки непосредственных объектов посягательств. Общность части этих признаков и позволяет группировать преступления. Соответственно объекты групп и подгрупп преступлений должны рассматриваться как групповые и подгрупповые.

¹⁵ Там же. С. 46, 50.

¹⁶ Голоднюк М. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ См.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.В. Наумова и В.Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 396.

¹⁸ Уголовное право. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 618.

¹⁹ См., напр.: Чучаев А.И. Указ. соч. С. 6—7. Аналогично: Кулешов Ю.И. Современные проблемы правосудия и уголовный закон // Со-

временные проблемы правоприменения (на опыте судов, органов прокуратуры, иных органов правоприменения Хабаровского края). Хабаровск, 1998. С. 11.

²⁰ Деяния, предусмотренные в ст. 310 УК, вообще, на наш взгляд, не могут рассматриваться как служебные преступления участников процесса, ибо их субъекты не обладают соответствующими качествами.

²¹ Прав был в 1872 году В. Микляшевский, который о пореформенном уголовном процессе писал, что закон стремится умножить число мер пресечения, облегчить участь обвиняемого соответствующим исполнением этих мер и употребление их окружить многими гарантиями для осуществления начала индивидуальной свободы (Излагается по: Владимиров Л. [Рецензия] // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. Пятая. С. 196. Рец. на кн.: Микляшевский В. О средствах предоставления обвиняемого в суд и пресечения ему способов уклонения от следствия и суда. Т. 1. Варшава. 1872). Это суждение представляется верным и для современного российского уголовного процесса.

²² Отсутствие термина «истина» в УПК РФ, думается, не означает отказ от соответствующей цели. Последняя вытекает из целого ряда процессуальных норм. Например, согласно ч. 2 ст. 21 УПК «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Приведенное положение нацеливает указанные органы на выявление истины, поскольку таковое в уголовном процессе означает «познать прошедшее событие и все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, в соответствии с тем, как они имели место в действительности» (Лупинская П.А. Уголовный процесс: Учебник. М., 1995. С. 129). Можно также согласиться с Н. Солнцевой в том, что положение о всесторонности, полноте и объективности исследования «изменило свою форму, но не содержание» (Солнцева Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 5. С. 38).

²³ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 64.

²⁴ Шифман М.Л. Рец. на книгу: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1956. №4. С.137.

²⁵ См., напр.: Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 117; Старченко А.А. Проблемы объективной истины в теории уголовного процесса // Вопросы философии. 1956. № 2; и др.

²⁶ Ривлин А.Л. Пересмотр приговоров в СССР. М., 1958; Мухин Н.Н. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971; Теория доказательств в советском уголовном процессе. Гл. 3, §1. М., 1973; Наумов А.В., Новиченко А.С. Законы логики при квалификации преступлений. М., 1978; Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978; и др.

²⁷ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 117.

²⁸ Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 25.

²⁹ Там же. С. 27.

³⁰ Шифман М.Л. Указ. соч. С. 137.

³¹ Энгельс Ф. Антидюринг. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

³² Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 117—118.

³³ Строгович М.С. Указ. соч. С. 64.

³⁴ Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона. М., 1960. С. 55.

³⁵ Шляпочников А.С. Указ. соч. С. 55.

³⁶ На диалектическую взаимосвязь и переплетение процессуальных функций обращается внимание и в юридической литературе (См., напр.: Уголовный процесс РСФСР / Под ред. В.Е. Чугунова и Л.Д. Корева. Воронеж, 1968. С. 10; Гуляев А.П. Процессуальные функции следователя: Учеб. пособие. М., 1981. С. 14; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 14; и др.

³⁷ Некоторые ученые полагают, что свидетель и другие лица, содействующие правосудию, не выполняют самостоятельной функции, а лишь способствуют осуществлению тех или иных процессуальных функций (обвинения, защиты и т. п.) (См., напр.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 38). Однако содействовать реализации одной функции, не будучи носителем последней, можно, лишь осуществляя другую функцию.

³⁸ Правы, на наш взгляд, Л.Л. Кругликов и Т.А. Костарева, подчеркивающие, что «в рамках правотворческого процесса дифференциация ответственности уравнивается ее унификацией, интеграцией» (Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993. С. 107).

³⁹ Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. С. 54.

⁴⁰ См.: Ласточкина Р.Н. К вопросу о соотношении цели и средств в деятельности органов юстиции // Реализация принципа справедли-

ности в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1992. С. 105.

⁴¹ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 11.

⁴² См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1. С. 39—72.

⁴³ См.: Мизулина Е.Б. Цель уголовного процесса и охрана личности обвиняемого // Актуальные проблемы защиты личности в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1990. С. 140—141. Аналогично: Морозова Л.Ю. Судебная реформа и юридический профессионализм / Государство и право. 1994. № 3. С. 136.

⁴⁴ Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991. С. 32.

⁴⁵ Мещеряков Ю.В. Соотношение уголовного права и процесса в дореформенной России (первая половина 19 века) // Правоведение. 1985. № 2. С. 80.

⁴⁶ См., напр.: Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Ульяновск, 1997. С. 47; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997. С.409; Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 706.

⁴⁷ См.: Архив Урюпинского районного суда за 1998 год. Дело № 1—287.

⁴⁸ Даль Владимир. Толковый словарь: В 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 468.

⁴⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972. С. 160.

⁵⁰ Пусторослев П.П. Из лекций по Особенной части Русского уголовного права. Вып. 1. Юрьев, 1908. С. 55.

⁵¹ Фойницкий И. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемого // Журнал гражданского и уголовного права. 1883. Книга пятая. Май. С. 61.

⁵² См. об этом, напр.: Tritjof Haft. Strafrecht. Besonderer Teil. Die wichtigsten Tatbestände des Besonderen Teiles des Strafgesetzbuches. München, 1982. С. 32, 49.

⁵³ См.: Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 142.

Учебное издание

Лобанова Любовь Валентиновна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ.
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Технический редактор *М.Н. Растёгина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 15.03.04. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 3,72.
Уч.-изд. л. 4,00. Тираж 100 экз. Заказ . С. 62.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.

УДАЛИТЬ

УДАЛИТЬ
